

Андрей Рощектаев

Верховный Издеватель

Андрей Владимирович Рошкетаяев

Верховный Издеватель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30475633

SelfPub; 2018

Аннотация

Проблема теодицеи (как совместить веру во всемогущего и благого Творца с наличием в мире страданий) – неподъёмная и страшная. Именно она является главным камнем преткновения на пути многих к вере. Со времён Иова всё новые и новые поколения людей не от хорошей жизни мечтают судиться с Богом, а спор Ивана и Алёши Карамазовых, кажется, не кончится никогда, пока стоит мир. Совершенно неожиданный выход из этого спора, который открыла героям сама жизнь, составляет сюжет новой повести Андрея Рошкетаяева "Верховный Издеватель". Настоящие проблемы не решаются логически: человек из них просто выходит, вырастает... как дай Бог и всем нам!

Рощектаев Андрей Владимирович

Верховный Издеватель

Верховный Издеватель

"Боже Мой! Боже Мой! для
чего Ты Меня оставил?"

Мф. 27, 46

Бог стал Человеком,
чтобы человек стал богом.

Свт. Афанасий Великий

Часть I. Август 14-го

– Скверная весна для королевства, -
как-то обмолвился король Филипп

в присутствии его высочества Валуа.

– Не забывайте, что сейчас
четырнадцатый год, – отозвался

Валуа, – а четырнадцатый год каждого века отмечен беда-

ми.

Морис Дрюон

1. "А может, не поедем?"

Началось всё с того, что Ромка поперхнулся зубной пастой. В самый неподходящий момент, в спешке. Это, конечно, уметь надо, но он как-то сумел – и успешно проглотил её не в то горло. Вот-вот уж выходить пора, а он всё кхекал, как кот Шампиньон, что регулярно поперхался своей шерстью, умываясь. Уж и по спине стучали, особенно Кирилл по-братски ("А-а, не убивай!.." – смеялся сквозь кашель избиваемый Ромка) и пить, и полоскать давали. Не помогало. А время-то, не в пример Ромке, мчалось: ему ни зубы чистить, ни прокашливаться над раковиной не надо! Так и опоздать недолго.

Тут Кирилл, честно говоря, чуть было не раздумал ехать. И так-то колебался, а на грани опоздания как-то совсем на всё стало наплевать.

– Может, не поедем вообще, а? – сказал он с досадой.

– Не-не-не, поедем-поедем! – смешно запротестовал-за-

кашлялся Ромка. – Как это так не поедем! Ещё как поедем!

И прямо в ванной начал одеваться.

– Я же не монстр. Зубы же у меня не в горле находятся, как эт я так... вместо зубов, получается, горло почистил. Ну, тоже хорошо, – бормотал он.

– Ты давай-давай не умничай! а давай-давай в темпе! – рассердился Кирилл. А у самого что-то ёкнуло в сердце: "И зачем я согласился ехать? От себя же не убежишь. Куда ни пойдёшь – всюду Я поджидаю. И куда ни поедешь – всюду Я! Тьфу! Ну, никак не вырваться из этой блокады. Может, и в этот раз не стоит никуда? А то опять в свою же засаду попаду!"

"Может, не надо?.." Но это уже последний комариный писк лени: сейчас поворотом дверного ключа путешественники включают фумигатор. Последнее напоминание вечного буддиста, что микробиком сидит в позе лотоса в каждом из нас: "Лучше ничего не делать, чем что-то делать!"

"Может, не поедем?" Но за несколько минут до поездки выглядело это примерно так, как если бы внутриутробный плод мог заговорить и в последний момент засомневался: "А может, всё-таки не рождаться?" Да нет, всё уже решено, всё уже предрешено. От нашего хотения-нехотения теперь, кажется, уж ничего не зависит.

Если человек говорит себе: "Ещё не поздно!" – на практике обычно бывает как раз уже поздно. И в мелочах, и в главном.

Разумеется, все родятся. Разумеется, все поедут. Все там будем...

"Что ж, отсутствие выбора облегчает выбор. Будем "свободно" идти дальше и дальше по неосознанно выбранному нами пути. Раз как-то однажды родились, значит всё, поздно передумывать".

Так с ромкиной зубной пасты в горле началась в то августовское утро памятная поездка в Лавру. Из разряда тех, когда с самого начала всё идёт не по плану – всё как-то неуловимо сворачивает Бог весть куда. Когда едешь за одним, а получаешь в итоге совсем другое. Настолько другое, что потом, взвешивая, всё ещё не знаешь, жалеть, что так оно вышло, или радоваться... но какой-то уж очень странной, непонятной для многих радостью. "Есть Радость Другая"(1), – как написал один поэт.

– Ты – виновник нашей поездки и ты же виновник, что мы опоздаем, – опять подзудил Ромку Кирилл.

Но они – не опоздали.

Поездку организовали по-семейному: от прихода, где все друг друга знали, от воскресной школы, куда ходил Ромка. Люди собрались тихие, толпу не любили, потому на само 700-летие преподобного Сергия, 18 июля, не сунулись, а вот недельки через три... "Ажиотаж – пройдёт, благодать – никогда!" – говорила директор воскресной школы Наталья Сергеевна. Желающих набралось, считая её, 18 человек. И дети, и взрослые. Наняли маленький, но вполне комфорта-

бельный автобус.

Вообще-то поехал Кирилл почти случайно. Не то чтоб хотелось именно в паломничество, но хотелось просто куда-нибудь съездить, пока лето и каникулы не кончились. Развезаться! Паломнические поездки не в пример дешевле туристических. А Москва и Подмосковье – не худший маршрут. Пока там паломники будут стоять "в Покровский к Матронушке" (а это, говорят, до-олго!), потом ещё куда-то заедут, можно просто погулять по столице в своё удовольствие.

Ну, а потом... почему бы и не в Лавру?

Относительно верующим Кирилл вроде бы был. Даже всё Евангелие как-то любопытства ради прочитал. Когда поступал в универ, молился Сергию Радонежскому – помогало. И всегда потом брал на экзамены его маленькую иконку – помогало. Так почему б теперь за компанию не заехать к тому же Сергию Радонежскому? Может, поможет... только неизвестно, в чём.

А в общем, поехал даже как-то неожиданно для себя. Ну, предложили – ну, не отказался. Хуже точно не будет.

Были вообще-то ещё причины...

Ещё весной после крупного личного разочарования Кирилл думал: "Вот ведь – сказка Колобок! Ведь не волк крутой его съел, не медведь-качок, а маленькая хитрож... лисичка. Подыграла ему: какая хорошая у тебя песенка! подойди поближе, я плохо слышу! Чисто женское: подольстить, подпустить поближе... Да это ж не сказка, это просто учебник пси-

хологии! Заяц, Волк, Медведь – это разные типы мужчин. Но все они с Колобком действуют *предсказуемо*: да, во-от ключевое слово – предсказуемо! А Лисичка ломает схему. Она, вроде, такая добренькая, такая пушистая и совсем не страшная, и съесть вовсе не хочет...

И – ап! И схавала!

Вот оно: мы никогда не поймём, что *у них* там, в мозгах. Они под свои эмоции как-то умудрились подстроить логику".

С некоторых пор, после ряда жизненных разочарований, ему вдруг неосознанно стало страшно, что *некого любить*. Какой-то интуицией он давно понял, что счастье – всегда не что, а Кто. Кто-то, кто должен быть в сердце: Бог или человек. Но "До Бога высоко, до человека – далеко". Очень далеко от нас до нас! Что толку, что есть и Бог, и человек, если они – вечно "далеко", чтобы их любить.

Источник *нашей* жизни – точно *не в нас*. Пока мы его не нашли, мы не очень-то и живы. Пока мы только в себе, мы – не очень-то и мы.

И Кирилл ехал – найти себя. Интуитивно. Собрать себя по кусочкам, как мозаику.

"Вот так отправишься в путешествие – и вдруг узнаешь, как устроен мир. Едешь ведь не для того, чтоб что-то сильно новое увидеть, а для того чтоб... увидеть то, чего и не увидишь. Чего и увидеть нельзя. Раз – и поймёшь! Раз – и озарит! Раз – и всё на место станет!.. Да блин, что же я го-

ворю-то? Это же никому не понятно, в том числе и мне..." – неожиданно додумал Кирилл.

"Я даже ведь не знаю, как это и назвать, Господи. Ты – знаешь! *Домой* я хочу – вот".

Люди ездят в паломничества. Преодолевают сотни, а то и тысячи километров, чтоб хоть на секунду приложиться к мощам любимого святого... Именно что *любимого!* Но что такое время и расстояние? Не наполняет ли одна секунда смыслом и все дни поездки, и все годы ожидания поездки? Ехать или не ехать – не вопрос. Иметь смысл жизни или не иметь – вот в чём всё дело! Наполнить её из неведомых колодцев тем, что выше – или вовсе не найти никогда никаких колодцев.

Можно всё изъездить и ничего не найти. Можно никуда вообще не ездить и найти всё. Значит, внешние путешествия – только частный случай путешествий других, которые совершает наша душа...

– "Что такое честность?" – вдруг оборвав мысль Кирилла, спросил Ромка: вернее, прочитал вслух мелькнувшую за окном социальную рекламу.

– Это честные консервы! – тут же прочитал в ответ Кирилл.

– Почему???

– Да вон сам смотри.

И показал ему банку с соответствующей надписью.

– Опс! – обрадовался Ромка. – Поздравь: у меня уже це-

лая коллекция выходит! Каталог тупой рекламы. "Умная мебель", "честные консервы", "мясной рай". Да, а ещё "Вкусное детство". Это вообще су-упер! написали бы уж сразу: "Вкусные дети. Кафе для людоедов".

Кирилл смотрел на него так снисходительно-благоклонно... как может смотреть интеллигентный во всех отношениях молодой эгоист на прикольного во всех отношениях вдвое младшего братишку.

Всё-таки, как ни крути, именно Ромка, из-за которого сегодня чуть не опоздали, был главным инициатором того, что их семья отправилась в эту поездку (все, кроме отца Кирилла)...

Семья? Ну да, семья – хотя и весьма своеобразно сложившаяся.

11-летний Ромка не был родным братом 22-летнего Кирилла. Просто три года назад их родители поженились. Отец Кирилла и мать Ромы.

Прежняя история у обоих супругов была непростая, но главное, что они любили друг друга – это было видно за версту, – и Кирилл совершенно нейтрально воспринял их отношения... отметив где-то в сноске к подсознанию: "Вот бы у меня когда-нибудь такая любовь нашлась!" "Довесок" новой семьи в виде сводного братишки ему тоже нисколько не досаждал... да Ромка, пожалуй, вообще неспособен был никому всерьёз досаждать – разве что невсерьёз, весело. Этот "чудо-юдо напиток ром" своим появлением даже слегка раз-

нообразил жизнь Кирилла. Он-то был не навязчивый, да вот к нему трудно было не привязаться – уж на что Кирилл казался на вид флегматичным пофигистом.

Разница в возрасте между сводными братьями – 11 лет, не шутка! Была бы двадцать – Ромка вообще годился бы в сыновья. А так – занял ровно срединное положение между братом-погодкой и "как бы сыном".

Кирилл не застал его в том капризно-озорном дошкольном возрасте, когда обычно происходит наибольшее количество конфликтов между старшими и младшими. Для него-то Ромка "родился" в 8 лет (появление человека в нашей жизни – это всегда какое-то новое рождение).

Ромка был не из тех, кто мешает старшим жить. Не зануда, не ябедник и совсем не капризный. Самодостаточный. Да, если уж описать его одним словом, то пожалуй это именно – самодостаточный. В меру шустрый, в меру спокойный, – он занимал, казалось, совсем немного места... вот только без него это место было бы пустым.

От него постоянно исходила какая-то "весёлая радиация".

– Он меня облучает! – шутил Кирилл.

– Ого! я, оказывается – Чернобыльская станция! – констатировал Ромка.

Единственной формой их полушутливых стычек была иногда борьба за место под солнцем у компьютера. Сидит-сидит Ромка, играет или там переписывается. Потом, глядишь, и Кирилл, вернувшись домой, подойдёт. Подой-

дѣт-подождѣт... "Ну, давай, брысь" – и Ромка послушно ускачет. Понимающий братишка! Пару раз по загровку шутивно получал для лучшего понимания... но никогда не обижался и даже к этому относился с юмором. Просто не брат, а подарок.

Мать его слишком-то "церковью не перегружала", как выражался Кирилл (хотя причащались они регулярно – духовник о. Павел благословлял на самое главное с поблажками во всяких формальностях). Как-то она сказала:

– Я думаю, Детство – это и само по себе одно сплошное богослужение. В детстве человек так счастлив, что в этом-то счастье и есть Бог. В детстве ты всё о Нём знаешь, только словами выразить не можешь. Ну, а потом... – вздохнула она. – человек вырастает: тело тяжелеет, мысли тяжелеют... Жизнь тяжелеет. Слишком тяжёлое для рая существо получается.

Кажется, Кирилл её понимал.

(1). Тимур Алдошин

2. В двух шагах от истины

Он – там, где мы хоронили дождь,

Он – солнце, тонущее в реке...

Ю. Шевчук

Лавра, величественная, как целое царство, и собранно-пёстрая, как каменный цветок, встречала паломников неправдоподобно румяными закатными отблесками. Сумерки совсем сгустились, но церкви и башни стояли, словно залитые вишнёвым соком. Казалось, они никак не хотят отпустить даже вечером "свет невечерний" со своих стен. Уже и Солнце давно зашло, но они готовы были оставить при себе свет даже без светила.

И облака над ними висели – как брызги того же подсыхающего вишнёвого сока, который из бордового постепенно делается густо-фиолетовым. То ли земля здесь отражает небо, то ли небо – землю?

– Бог иногда даёт людям вдохновение, чтоб сотворить какую-то такую красоту... какой никогда не было и никогда уж больше не будет, – говорила Наталья Сергеевна. – И потом от этой красоты ещё много веков люди, когда её видят, становятся... счастливее, что ли. Как будто к ним Бог спустился и наконец что-то сказал – ответил на их вопросы.

И Кирилл как бы в ответ подумал: "Вот ведь как бывает: едешь куда-то кому-то задать вопросы... а они вдруг исчезают прежде, чем их успеваешь задать. Дома они есть, а *здесь* нет! Кто-то удалил их, как вирусы: "В тот день вы уже не спросите Меня ни о чём".

А Наталья Сергеевна добавила:

– Одна у меня мечта: вот в этой-то красоте *навсегда* бы остаться. Но... дела!

Да, правда: вот место, в котором ты точно знаешь, что Он есть.

Красивы стены, башни, купола... но красивей всего Тот, Кто *за* ними стоит! Если бы не было Его, никогда никому ничего не открылось бы в мире красивое. А в Нём открывается всё. Вот Бог – а вот Сергей, в котором Он отразился.

Даже если б всё послепетровское российское дворянство не дало никого и ничего, кроме Пушкина, его существование уже можно было бы считать небесполезным – и воздерживаться от желания называть его тунеядским сословием. Даже если бы вся допетровская Русь не дала миру вообще никого и ничего, кроме Сергия Радонежского, одного его было бы достаточно для оправдания этой странной для многих цивилизации.

Один Сергей – это уже явление всемирного масштаба. Сергей со своими учениками – это вообще целая эпоха все-ленской истории.

Сам себе в том не признаваясь, Кирилл испытывал чувство, отдалённо похожее на то, с каким древние просители приезжали к царю: Лавра – столица, Сергей – "игумен земли Русской". Вот он – как бы *главный* в России после Бога... можно так неуклюже выразиться. Если у кого-то что-то просить – то вот она, единственная по-настоящему высшая ин-

станция в нашей стране.

А о чём же ещё просить в 14-м году, как не о мире!?

Война, даже если она далеко, калечит души на расстоянии. Самое дальнобойное оружие – пропаганда и истерия. Пропаганда метко бьёт навесными сверху, а истерия, как отравляющие газы, самотёком расползается понизу. Разве что редкие монахи-затворники в бомбоубежищах келий полностью защищены от этого оружия. Даже аполитичного Кирилла контузило далёкими, но тяжкими разрывами. Как человек, ещё не совсем разучившийся думать, он реагировал на официальную пропаганду одной тошнотой. Более тревожного и мерзкого года, пожалуй, ещё не было за всю его недолгую жизнь.

Телевизор можно было хоть вовсе не включать! Но и выходя в Интернет, он чувствовал себя в информационном поле какого-то сумасшедшего колхоза, где уже не осталось людей, но обильно росли "укропы", водились "колорады", и одни жрали других. Говорят, после Великой Войны дети долго ещё играли в "наших" и "немцев". Причём, никто не хотел быть немцами: обе стороны себя считали "нашими" – а "фашистами" была, разумеется, противоположная сторона.

Разве не то же творилось сейчас – только уже не по игре? Весь год убивали людей под аккомпанемент тошнотворно-пафосных речей.

Энергетика большой политики вообще отвратительна.

Как гоп-стоп в переулке. Как наглый толсторожий пограничник в поезде "Москва-Запорожье". Как пьяный патриот с матюгальником и матюгами. Но у войны самый отвратительный запах из всего, что есть на Земле, и чувствуется он за тысячи километров. Когда идёт противостояние, и обе стороны утверждают, что они правы, это звучит так же убедительно, как если б "конкретную" братву послали читать лекции в МГИМО.

Вот он, как в капле воды (яснее нарочно не придумаешь!) – весь многовековой конфликт здравого понимания интересов страны с *психопатриотичным*. Вся ситуация – лакмусовая бумажка для определения, кто есть кто: либо ты *осмысленно* живущая личность, чей идеал *осмысленно* живущая Россия – либо угарно-шовинистическая шпана, которой главное, чтобы все дрожали, чтобы уважали: "Бей своих, чтоб чужие боялись!"

Совсем недавно Кирилл спорил с однокашником:

– Да чтоб защищать интересы России, надо эти интересы сначала хотя бы осознать. По-моему, интересы России – в том, чтоб у нас всегда были хорошие отношения с Украиной. Стало быть, *любые* действия, которые этому противоречат, противоречат интересам России! Нечего нам было лезть и будоражить этот Донбасс!

– Это же защита русского населения...

– Да уж, замечательная получилась защита! Результаты просто потрясающие: тысячи убитых, полтора миллиона бе-

женцев... Пока не "защищали", ни одна живая душа там не погибла. Совершенно мирный край, который никто не трогал! А как нашлись непрошеные защитники и захватили весной сначала администрации, потом целые города, началась бойня, которой конца и края не видно. Мы же в этом году повели себя с Украиной... просто как отвергнутый жених-маньяк с бывшей невестой: "Не досталась мне целиком – так достанься хотя бы по частям!" Но невеста вот, как ни странно, почему-то стала сопротивляться. И мир, как ни странно, тоже не вошёл в положение обманутого жениха! Ну, надо же, как несправедливо устроен мир.

Да, главная беда России – наши вечные антигосударственные "государственники". У нас ведь, как обычно, столько записных патриотов при власти, что становится страшно за страну! Казалось бы, аксиома: если ведёшь себя агрессивно, окружающие объединяются не вокруг тебя, а против. Чем "решительней" ломишься в чужой дом, тем меньше шансов остаться при этом "братом".

Хоть ты, преподобный отче Сергей, Игумен Земли Русской, защити нас от нашего же "патриотизма", не дай ему вконец погубить страну! Даруй нам мир... только мир... умоли Бога о мире... Вразуми или отстрани всех, кто хочет войны. Ты наша надежда и упование, сам будь "международным наблюдателем" и хранителем мира над Россией и Украиной. Аминь.

На следующее утро, после долгой монастырской службы, они пошли с экскурсией по Лавре. Это был целый город. Но город, построенный так... как если б Адам не терял Бога. Как если б весь мир был – один рай. Одна Церковь. И стоит Она – как образ потерянного Царства. Но не насовсем потерянного, а потерянного и найденного. Ворота же всегда открыты – только заходи.

Вот удивительный "игумен Земли Русской": сохранил свой монастырь! Лавру не только не разорили в советское время, а даже отреставрировали – лучше, чем была! Убрали все позднейшие наслоения... И Саров, и Дивеево, и Оптина, и Валаам, и Александро-Свирский монастырь... – там хоть и тоже великие святые, но их-то монастыри от разрушения это не спасло. А вот Лавра устояла. Её даже не пришлось воскрешать, как Лазаря – она и не умирала.

Какое ещё нужно наглядное доказательство, что Сергей Радонежский – всё-таки "верховный" русский святой! Что именно он у нас всем невидимо управляет.

У Натальи Сергеевны, похоже, всюду были знакомые. Ездить с ней по святым местам – значило, видеть эти места в каких-то новых, прежде недоступных ракурсах. Вот и сейчас она договорилась с отцом П. сводить группу на лаврскую колокольню. Так и побывали нежданно-негаданно на одной из величайших звонниц России. 88 метров была её общая вы-

сота – правда, площадка, до которой долезли, располагалась где-то на 50-метровой отметке: дальше – уже куранты.

Поглазели на знаменитый 72-тонный колокол – самый большой в мире из действующих. Несколько лет назад, еле-еле, с предосторожностями, его смогли привезти из Петербурга, заранее проверяя по дороге все мосты. Он звонит несколько раз в год, по праздникам: только чтоб раскатать язык, нужно восемь человек!

Бывает особое, почти сказочное удивление, когда видишь предмет, вроде бы, знакомый – но невероятной величины. Перед этим колоколом все испытывали минутное замешательство: примерно такое, как если б человеку преподнесли книгу размером с автомобиль или карандаш размером с копьё. Он был так велик, что под ним поместилась вся их группа.

– Гляди! Лавра – корабль, а мы – на мачте! – первым свесился с перил пират Ромка. И прищурился одним глазом, по своей давнишней привычке.

Ближе всего, у подножия (смотреть надо отвесно вниз!), была сама Лавра – беленькое "лукошко", как назвал её польский пан Зборовский, пока осаждал... правда, взять лукошко ни он, ни кто другой за всю историю не смог. В лукошке лежали купола. Всё получалось наоборот: внизу – несоизмеримо маленькие, игрушечные храмики и часовни... – всё, что должно бы быть большим, но поместилось на миниатюрном стенде Земли. А здесь – "колокольчик" размером с це-

люю часовню... как-то поднятую в воздух, висящую как будто ни на чём!

Да, странно видеть церкви, в которые только что заходили, далеко внизу под собой. Только что мы были меньше их – как букашки, а теперь они меньше нас: все на ладони поместятся. Будто они превратились в собственные макеты на аккуратно прибранном музейном столе.

Красивей всего смотрелись грандиозные, пузатые, звёздчатые купола Успенского собора вровень с пролётом колокольни – близкие, как ёлочные шары перед глазами ребёнка. Боковые синие ясно отражались в центральном золотом, как в кривом зеркале.

Дорожки у подножия соборов, казалось, разлиновали цветными мелками – вроде как для игры в классики. Оказывается, брусчатка была везде разная: с огромной высоты это смотрелось удивительно красиво и, одновременно, странно. Всё такое полосатое, пёстрое, детское.

Дальше раскинулся во все концы сам городок Сергиев Посад. Он был таким зелёным, что казалось, Лавра выросла посреди сада или холмистого леса. Пока не поднялись так высоко, трудно было даже представить, что в городе, кроме лавры, ещё столько церквей! Весь пейзаж: холмы, овражки да купола – и опять холмы, и опять овражки... малые домики в гуще больших деревьев – и среди них, как ёлочные игрушки, всюду что-нибудь да мерцает. Городок-то невелик, а лавра, оказывается, рассыпала по нему свои отростки, как кустик

клубники.

"Да нет, это уже не при лавре, это обычные городские приходы", – пояснил монах.

"Столько приходских храмов! – поразились гости. – И что, на всех хватает людей!? Да, у вас, действительно, святой город!"

Малые огоньки всё мерцали и мерцали над святым городом. Искры дальних куполов так ощутимо дрожали в солнечной дымке, что сходство со свечками становилось просто неотразимым! Везде вокруг Лавры – свечи-свечи. Будто она – один большой мощевик Сергия Радонежского

Такая красота... что кажется, уж в этом-то городе люди точно живут без ссор, подлостей, глупостей, горя. Будто здесь *настоящие* люди – как мы в детстве представляли себе Людей. Как мы представляли себе Жизнь. Простую, как небо. Без глупых обманов. Счастливую – потому что *несчастья не бывает*. Ровно такую, как ты хочешь – потому что все же хотят хорошего... так зачем бы ей быть такой, какой никто не хочет!

В детстве мы были проницательней, мудрее: мы просто ясно, как день, видели мир до грехопадения... только не знали, что это так называется.

За час до прощания с Лаврой перед самым закатом хлынул грибной дождь. Весь мир, как новогодняя ель, украсился золотой мишурой. Рассыпчато-мокрое солнце реставри-

ровало помутневший от зноя пейзаж. Мерцающий свет изгонял духоту, как бесов. Искристым воздухом стало легко дышать, а от щекотных разрядов на теле при попадании капель легко смеяться. Миллионы метеоров-смешинок несли и несли с небес радость – свежую, не успевающую на лету испортиться. Капли невероятно звонко тенькали о шлемы куполов. Пунктирные золотые линии с неба пересеклись с золотыми линиями крестов. Соединили пол и потолок Великой Церкви мироздания.

Дождь всегда переключает наше восприятие действительности на иную программу. В дожди включается светлая ностальгия по всем предыдущим дождям – по всем периодам жизни, когда шли дожди. Да нет, это и не ностальгия даже, а живое чувство выхода из времени. Ты снова *там*: в той реке с неба, в которую можно входить дважды, трижды, четырежды, стократно...

Дождь ждёт тебя, а ты его.

Так ждут любви, так ждут сына, так ждут Бога.

Дождь – знак перемен в нашей жизни. Изредка, конечно, и он бывает ложным (дорожные знаки и то порой вешают ошибочно), но всё же в самые ответственные моменты душа обычно не ошибается. И Бог присылает ей дождь в помощь. Чтоб она не сомневалась... что теперь *всё* уже точно меняется!

И Кирилл отчетливо почувствовал это удостоверение.

Грибной дождик в несколько минут весело обмахнул всех

мохнатым кропилом и тихо пошёл гулять дальше ведомыми ему одному дорогами.

Всем было весело, только одна промокшая девочка ворчала, боясь простудиться...

А Солнце, клонясь к закату, тихо разжигало колокольню изнутри, как кадило. Огромными дневными звёздами смотрели на мир мирно голубые успенские купола. Сказка, ставшая реальностью, никак не хотела кончаться... но уже пора было уезжать. Уже совсем пора! Уже...

Наше самое большое земное счастье – это всегда стояние в двух шагах от истины. Ближе к ней во временной жизни уж никак нельзя: за этими двумя шагами – конец всего временного и начало Вечности. Даже в моменты самого большого земного счастья, каждый из нас находится как бы в роли полководца, выигравшего битву, но ещё не войну. Нет и не может быть в этой жизни полноты! Полноту нам *пока* заменяет надежда.

– Да это ведь и хорошо, что не всё успели посмотреть – будет что увидеть в следующий раз, – утешала Наталья Сергеевна. – Плохо, когда ты какой-то город, какое-то место выжал, как лимон. А уж Лавру выжать невозможно, сколько ни приезжай!

И все соглашались. И душу каким-то теплом согревал пусть не обещанный, но хотя бы упомянутый "следующий раз". А вдруг он действительно будет? Такие места всегда покидаешь, мысленно оглядываясь и, в мечтах прокрутив вре-

мя, уже приезжаешь снова: второе путешествие в них начинается с момента отъезда. Как в древнем присловье: "Всякая дорога из Иерусалима должна стать дорогой в Иерусалим".

Все благодарили Наталью Сергеевну за чудную поездку как-то вразнобой. "Надо бы лучше, да не бывает!"

– А в сентябре я обязательно поеду к Симеону Верхотурскому, на его праздник. *Всех приглашаю с собой!* Там, за Уралом, рай земной.

И все соглашались. Да, надо бы съездить. Да, там, за горами – рай.

А кто видел рай?

Комфортабельно зашумели за их спиной выдвижные двери, и автобус тихо тронулся, поплыл по безбрежному морю ночи. Едва покинули монастырскую стоянку, шофёр для экономии выключил свет. Ещё и стёкла были тонированные, так что в автобусе воцарилась, можно сказать, удвоенная тьма. Восемнадцать человек растворились в ночи, слившись со своими сиденьями. Только что спешили-спешили, а тут... тишина, просто волшебная! В дороге мы передаём часть *нашей* суеты тому неодошевлённому предмету, на котором едем – и через это обретаем покой.

В счастливом мраке дышится легко. Вдыхаешь и выдыхаешь словно не воздух, а какой-то восторг, разлитый в мире. Когда глаза ничего не видят, всё видит душа.

Ехали в темноте как бы по огромному собору, и даже

нескончаемый ряд оранжевых фонарей вдоль дороги ассоциировался после Лавры со свечами. Всем было тихо и благостно, кто-то задремал, кто-то наяву (или почти наяву) пересматривал ещё раз счастливый сон сегодняшнего дня. Невидимый метроном начал как-то неслышно отсчитывать последнюю его минуту.

"Вздремнуть, что ли?" – подумал Кирилл, нажав кнопку, откидывающую сидение.

Тут же все ударились с маху об откуда-то взявшуюся невидимую волну. Один и тот же вал сломал сначала автобус, потом всех, кто в нём. Резкий звук мигом преложился в резкую боль, будто она вытекала из него неизбежным эхом.

Всё сорвалось с мест в этом грохочущем чёрном салюте. Сила инерции превратилась в нечистую силу. Как в редком по убедительности кошмаре невидимые, но осязаемые бесы хватают человека и швыряют во что-то беспредельное: гильотину, пыточную камеру, ад, так здесь сила, с которой не поспоришь, бросила всех лицами, головами, рёбрами в твёрдую и скрежещущую гекатомбу. "Тьма и скрежет зубов".

Автобус разом вмялся внутрь, как консервная банка под каблуком. Рваное железо резко полоснуло по людям. Всё, что полминуты назад служило комфорту и уюту, стало внутренностью мясорубки. Вдребезги стёкла, кости, зубы... неживое и *бывшее* живое. Последняя мысль была банальна и почти спокойна: "Так не бывает. Это всё не с нами..." Удар сломал календарь.

Мир – или миг, – коротко включился... или сделал вид, что включился. Кирилл проснулся... или показалось, что проснулся. Пара мёртвых "зайчиков" от телефонов бредово металась вокруг в какой-то сумрачной техногенной жути. То ли мотыльков, то ли чертей кто-то ими отгонял?

Тёмное разлилось по вздыбленному полу так обильно, что было даже непонятно, как из такого небольшого количества *нас* смогло столько натечь? И из кого? Голоса будоражили мрак... но доносились будто из другого мира. И что-то творилось со Временем: иногда в ушах, как в огромном гулком эфире, включали замедленную запись, иногда – ускоренную. И передавали нечто странное.

– Не смотри.

– Что-то... ногу мешает!.. я посмотрю.

– Не смотри! Дай я тебе глаза завяжу.

– Я боюсь!

– Не бойся, маленькая... просто не смотри. Не бойся и не смотри!

– А где Таня?... Та-ня! ты где?

– Она рядом. Она просто пока не может ответить... Не волнуйся! Только пока не смотри...

Да что же за жмурки такие?.. Женщина и девочка, вы во что там играете?

А вообще *этот* ли свет на белом свете?

Свет опять включился...

3. Силоамская башня

Где ты был вчера?

О чём ты думал?

Почему ты вдруг решил,
что это будет не с тобой?

А. Макаревич

Свет включился. Кирилл лежал. Над ним стоял огромный монитор. Нет – окно. Но до чего же потрясающее зрелище показывало это включившееся вместе с ним окно! Вдоль горизонта тянулась длиннейшая орочья стрела с ярко пылающим наконечником. Или магический посох с набалдашником солнца.

Давно не было в мире такой волшебной, совершенно фэнтезийной зари! Такой идеально ровной щели в облаках. "Рассвет или закат!?" – ошеломлённо прикинул Кирилл точно так же, как прикидывал: монитор или окно? На восток или запад оно смотрит?

Что-то с миром странное творится, если мы вдруг не можем определить, рассвет в нём или закат.

Солнце начало медленно-медленно скрываться. Закат?

Ну конечно, закат... Но... почему-то огненный диск заходил *вверх*, а не вниз. В висящее облако – не в горизонт. Как будто лампочка сама собой вползала в потолок. Рыла в нём нору.

Значит, рассвет? Да, через минуту лампочка просверлила себе дыру в верхний этаж и засияла во всю полноту уже там. Рассвет? Ну, точно рассвет!

Почему-то Кирилл обрадовался, что это рассвет, хотя непонятно, чему тут особо радоваться. Просто тому, что ночь кончилась? Что она навсегда осталась во *вчера*: "*Ночь та – да обладает ею мрак, да не сочтётся она в днях года, да не войдёт в числа месяца. О, ночь та – да будет она безлюдна...*"(1). Но ночь та, к сожалению, была не *безлюдна*. Тут уж даже самый волшебный рассвет ничего не исправит.

Странно, что самое главное событие жизни уместилось в несколько секунд, да ещё и было как бы в тумане. Мир просто выключили и включили, как монитор – вот и всё, и почти нечего больше вспомнить про сам момент.

Всплывали в памяти отдельные детали – полуосыпавшаяся мозаика. Брызги расколотого происшествия. Когда Пикассо писал "Гернику", пожалуй, что-то такое он уловил: всякая катастрофа запоминается её участникам сюрреалистическими кусками, хаотично рассыпанными в сознании, слепленными потом силой бреда, как силой притяжения.

Быков не было, но...

Где-то в безвозвратном *вчера* звонили купола Лавры – именно такая ассоциация: купола, не колокола. А потом –

грохот и крики... и резко выпадающие из сознания звуки – водопад, водоворот, чернота... а выбросило на поверхность где-то здесь, среди белых стен и больничной аппаратуры. И тело, как никогда в жизни, знало, зачем больницу называют больницей. Осязание во всём происшествии было куда ярче и сильнее зрения.

Пока ничего не случится, мы не знаем, что всё на волоске.

И пока мы живы, волосок этот Кто-то держит.

Жизнь – она такая. Едешь-едешь-едешь, и вдруг раз – доехал. Да нет, вы что, я же ещё хотел... мне же ещё надо дальше! Нет, ты уже приехал! Никакого "дальше" не будет – или будет, но совсем другое. Ошибся ты, а не мы. Дорога – она такая, какая есть, и точка всегда может быть поставлена в любом её месте. В любую секунду.

Всё самое важное в жизни происходит за секунду. За секунду мы решаемся на Поступок, за секунду произносим самое важное слово. За секунду зависаем между жизнью и смертью, за секунду успеваем из этого положения сделать шаг в ту или другую сторону... Может, ради этих-то нескольких секунд и тянутся все предыдущие годы? Вся боль целого мира и всё счастье целого мира только и ждут, чтобы на мгновение проявиться в нас. По нашему желанию или против нашего желания.

Надо же было ехать за тридевять земель, чтобы найти в лабиринте дорог и нарваться именно на одну вот такую вот хищную, вышедшую на охоту секунду!

"А может, всё-таки не поедем?.."

Да, кстати. А где Ромка? Что с ним?

Приехал отец. Только от него Кирилл начал узнавать первые новости... почти как сводки с фронта.

Наталья Сергеевна погибла в тот момент, когда обсуждала с подругой новую паломническую поездку. Теперь началось совсем другое паломничество...

Разбилась и 12-летняя Таня. Кирилл пытался сейчас оживить в себе хоть какие-то черты её лица, хоть какие-нибудь слова. Но замкнутая девочка не запомнилась ему решительно ничем, кроме ставшего теперь "многозначительным" случая во время вчерашнего дождя. В лёгком платьице она успела промокнуть до нитки прежде, чем спряталась. И уже стоя под навесом, говорила тревожно: "Ну, я же теперь простужусь. Всё! Я же всегда так быстро простужаюсь!"

Нарочно не придумаешь! Человек за несколько часов до смерти боялся простудиться...

А всё-таки чудный был грибной дождь! И дождь, и солнце... и все живы. И счастливы. Надо же, какими же красивыми прелюдиями была обставлена грядущая казнь! Каким сказочным светом выслана и окроплена с неба дорога... кому на катафалк, кому на кресло-каталку.

И задорно-зло вспомнилась Кириллу, вроде бы, некстати фраза об Отце Небесном: "...Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на пра-

ведных и неправедных". И ещё бы добавить: "на тех, кто уже приговорён, и на тех, кому Он пока милостиво дозволил ещё сколько-то пожить... некоторым, правда – без ног..." Другу Ромки 12-летнему Данилу полностью оторвало ступню и половину голени.

Авария, как акула, особенно любит откусывать конечности.

А что с Ромкой? С Ромкой-то что!? В реанимации. Тяжелейшие открытые переломы ног. Сделали операцию. Никого к нему пока не пускают. Но лежит он вроде бы в соседней, детской больнице – всего через квартал отсюда.

А Марина, его мама – буквально в соседней от Кирилла палате. Тоже – левая голень пополам. Зубы выбиты, рёбра сломаны.

А уж самая странная судьба – у тех, кто спал: уснули здоровыми, ничего не видели, во сне потеряли сознание... "очнулись – гипс!". Первое время, как признавались, реальность трудно было отличить от кошмара. "Надо бы хорошенько проснуться: второй раз уже по-настоящему!" – говорил сосед Борис.

Слава Богу, баки при авариях взрываются почти исключительно в голливудских фильмах, так что в реальности всё обошлось без взрыва. Но даже и без него травмы были страшные.

Самые тяжёлые – у двух женщин: одна от черепно-мозговой травмы впала в кому, у другой от перелома позвоночни-

ка отнялась нижняя часть тела. Кажется, это была та самая, которая говорила с Натальей Сергеевной о будущих путешествиях.

Кирилл, как это ни странно, отделался только сотрясением мозга и сильными ушибами – переломов не было. "Даже стыдно перед остальными!" – невесело усмехнулся он про себя в промежутках между приступами тошноты. Вот есть вестибулярный аппарат в голове – от его травмы мир начинает качаться и валиться куда-то. А есть, оказывается, вестибулярный аппарат веры – и от его травмы внутренний мир начинает качаться и валиться куда-то. "Меня и от удара тошнит... меня и от Бога вашего тошнит".

Что-то я такое узнал в лавре – но дорога из меня это знание поспешила выбить. Что-то уже совсем начало было склеиваться – и сломалось в самый последний момент. Да, это как у БГ:

Ехали мы, ехали, с горки на горку -
да потеряли ось от колеса!

Вышли мы вприсядку, мундиры в оборку -
солдатики любви, синие глаза...

Как взяли-повели нас дорогами странными,
вели да привели, как я погляжу:

сидит птица бледная, с глазами окаянными...

Что же, спой мне, птица – может, я попляшу!

Все мы чётко знаем внутри себя, что с нами *никогда ни-*

чего не случится. Есть в нас такое чувство, как *невозможность беды* – видимо, атавизм пребывания Адама в раю. Катастрофы в нашей жизни так же невозможны, как война на Украине. Этой истины, разумеется, нет в катехизисе, но в подсознании она записана настолько глубоко, что, когда она рушится, у многих, как в домино, сыплется... Символ Веры.

Как же Он нас обманул!? Нарушил контракт? Мы прекрасно знаем, что никакого контракта не было и не могло быть. Но где-то же в подсознании у нас это сидит – что Он что-то нарушил. Что-то очень-очень важное для нас. Жизненно важное. И такого вероломства мы не ждали.

А может, это, наоборот, мы, не заметив, что-то нарушили? Точнее, предпочли не заметить. Что-то очень-очень важное для нас. Обращаясь к Нему, мы, как в зеркале, видим себя? И "Его вероломство" – это наше вероломство. По отношению к самим себе, в первую очередь.

Но нас это почему-то совсем не утешает!

Плоть-то *на нас* болит. Много чего в жизни человек не понимает, "но *плоть его на нём* болит, и душа его в нём страдает" (2).

– Нас немножко провернули через мясорубку и расфасовали по палатам, – спокойным голосом рассказывал кому-то по телефону сосед Борис. – Да, сейчас приживаемся на новом месте. Уже завтрак был...

На следующий же день, только почувствовав, что, вроде,

уже может ходить, Кирилл "смылся" сразу после утреннего обхода и пошёл бродить по палатам – навещать "всех наших" (вообще-то ещё несколько суток, как минимум, ему категорически запретили вставать!). Не сразу, но нашёл Марину. Та очень обрадовалась – улыбнулась... неузнаваемо-беззубым ртом:

– Вот ведь. Жизнь сначала показала нам красоту, а потом и нас самих... очень уж разукрасила! Ну, ладно, чего уж там роптать. Как говорится, до свадьбы заживёт! Правда, новая свадьба кому как, а лично мне уже не грозит, но поговорка всё равно хорошая. Вот, может, к ромкиной свадьбе у меня всё заживёт.

– Да нет уж, что вы, ра-аньше! Вон к свадьбе Кирилла, например, – сказала соседка по палате в бандажном "испанском воротничке".

Даже невесёлая ирония – и та как-то ободряет. Вот уже и получше стало. Ну, самую малость.

– А нам ведь ещё дважды повезло, если так подумать! Автобус и в воду не свалился, и не загорелся. Так на мосту и повисли – на этом заграждении. Так что это нас ещё Бог спас! – подхватила третья участница аварии.

– Мы все здесь сломанные лежим. Поломатые, как дети про игрушки говорят. На починке. Видимо, зачем-то так надо было. Съездили в Москву, в Лавру – чудная была поездка... а на обратном пути все сломались. Ничего – починят, соберут. Ну, а зубы мы уж пока считать не будем, не до то-

го! – Марина снова улыбнулась, видя, как Кирилл смущает её когда-то красивое лицо... теперь ставшее цвета сливы и с пустым старушечьим ртом (в 37 лет!).

Кирилл, впрочем, знал, что и он "очень красивый". Шишка на лбу, совершенно неправдоподобная – этакая гротескная деталь театрального грима! – на порядок превосходила всё, что он прежде знал в жизни о шишках и напоминала разве что слегка притуплённый рог.

– А где водитель? – спросил Кирилл. – Он же, наверное, тоже пострадал?

– Да, говорят, он с переломами. Но мы даже не знаем, где он. Кто-то сказал, его охраняют. Будут судить... бедный человек! – вздохнула Марина.

– А я бы предъявил иск не водителю, а Богу, – почти серьёзно сказал Кирилл. – Мы вообще-то к Нему ездили: так сказать, в Его юрисдикции находились, а Он не обеспечил нашу безопасность! Не пожелал, видите ли!

– Знаешь, не ты первый мечтаешь с Ним судиться. – сказала Марина. – За три тысячи лет до нас это уже делал Иов. Так что на самом деле *всё не ново*.

Всё не ново, всё не ново:

всё уже было в книге Иова! -

как написал какой-то поэт... уж и не помню, кто.

– Утешительно, – скептически пробормотал Кирилл.

"Ремонтные работы по восстановлению человеческого

остова. Все эти штыри, растяжки – есть что-то общее со строительным делом... По крайней мере, лучше так думать, чтоб не испытывать омерзения от всех этих приспособлений, предназначенных для живого тела: оно-то, в отличие от стройматериалов, всё чувствует.

Здесь мы похожи на спутанных проводами людей-батареек из "Матрицы". Да и вообще, чем тебе не Матрица? Всё, что мы в жизни делаем, так мало похоже на то, что мы хотели бы делать! Больница – прямо какая-то утрированная схема всего нашего существования. Точно: *"Ехали мы, ехали с горки на горку, да потеряли ось от колеса"*. Ехали, полные надежд, строили какие-то планы на будущее, столько всего могли бы сделать! А что сейчас делаем?.. даже не то, что боремся за жизнь – а просто пассивно разрешаем нас спасать. Вставить в нас оси. Какой у нас ещё выбор-то?

Всякая жизнь начинается, как паломничество, а заканчивается – больницей. Что успели? Ну, хотя бы подняться на колокольню и осмотреться с неё. Вряд ли больше.

"И как же нас так переколбасило-то!?! Ведь этого только не хватало для полного счастья! И так-то год хуже некуда, а тут... только вчера в Лавре думал: вот он, свет в конце тоннеля, оказалось – встречный грузовик!"

Люди, похоже, надолго осели здесь – в ловушке, капкане, гербарии, – нанизанные конечностями на спицы, пойманные как рыба на крючок, схваченные аппаратами Елизарова и прочими хитроумными приспособлениями, неведомо кем

сюда заброшенные. Теперь уж на долгие недели тут осели... "и пусть весь мир подождёт!" – как сказано в глупой рекламе.

Музей человеческих страданий, постоянно обновляемая выставка боли. И всё – интерактивно. Кто выписал сюда билет? МЫ его точно не покупали. А кто выписывает нам билеты в жизнь? В *такую* жизнь... Поездка – вот тоже подарок! Хорошая получилась – двумя словами можно сказать: *красиво и больно*.

Пожалуй, вся наша жизнь такая. Бог умеет делать красиво и больно.

"Думаете ли вы, что те *восемнадцать человек*, на которых упала Силоамская башня и побила их, были виновнее всех живущих в Иерусалиме?.." Да, а нас ведь как раз было *восемнадцать*... не считая водителя".

Поначалу всё никак не могло устояться в голове. Не вмещалось в сознание. Человек не может быть одновременно счастлив и несчастлив! Поездка не может быть одновременно чудесной и катастрофической! Тут уж явно что-то понарошку: либо вся вчерашняя-позавчерашняя незабываемая радость?... либо весь сегодняшний больничный бред? Всё было слишком хорошо, чтобы стать плохим! Люди, смеющиеся под сверкающим дождём, были бессмертны – несомненно и самоочевидно. Их счастья никто не мог у них отнять – это невозможно! Они возвращались домой, чтоб потом вместе ехать куда-то ещё. Вот и в автобусе обсуждали конкретные

даты и маршруты. Маршрут ни на кладбище, ни в больницу никем не обсуждался.

Мозг как бы оставил в себе последние фотографии здоровых и счастливых людей. Кажется, они и трагедия – несовместимы в принципе. Не случаются трагедии при таких улыбках, таком выражении лиц!

Счастливые люди, всё ещё не до конца отвыкшие от счастья, теперь почему-то недосчитывались друг друга... а заодно и рук, ног, пальцев. Но всё это – как во сне. Во сне же всё может отрасти заново, всё поправимо, все умершие живы. Во сне никто ничему не удивляется. "Это ж всё не по правде – всё можно изменить. Одна дурацкая секунда... Сейчас отмотаю чуть-чуть назад время!.."

Именно то, что – *секунда!*.. именно то, что оплошность-то – *дурацкая*, вызывает особенное чувство, что изменить совсем нетрудно. Правда... только если б кто-то из нас был Богом. Ну, хотя бы ассистентом Бога. Секретарём. Советником.

Например, отменить бы весь 14-й год – со всем, что в нём произошло. Ну, чего Ему стоит? Ему-то ничего, а нам радость. Сколько б тысяч жизней уцелело. Сколько бы опаснейших глупостей перегорело в головах, а наружу не вышло.

Уж сколько миллионов людей, наверное, просят и будут просить Тебя зачеркнуть этот год и переписать его заново. А Ты?..

Но почему, *если Ты есть*, – если Ты вообще есть! – так много в жизни зависит от Случая? Непростительно много!

Почему решающим оказывается вовсе не какой-то там нравственный выбор – поступить мне так или эдак? – а самый пустяковый, казалось бы, вопрос: вот ехать или не ехать? Ни в том, ни в другом варианте я и не нарушаю, и не исполняю Заповеди – но последствия такие, как если бы я предал или не предал, выбрал преступление или подвиг. Разве нейтральный выбор – тоже выбор? Или тут вовсе не в выборе дело? Тогда в чём?

Как же нам понять смысл всех наших поступков... или уж совсем никак не надо их понимать? И кто всё же правит миром – Бог или господин Случай? Ведь, похоже, Случай – одно из имён собственных лукавого духа!

Нет и не может быть в жизни ничего более беспросветно-сатанинского, чем теория случайности! Лучше уж (даже вопреки только что полученному опыту) верить, что *Бог всё устраивает*. Да, Бог. Пусть даже, судя по поступкам, Он похож на садиста.

Но ведь кроме Него есть ещё Государство и есть Случай... и чего бояться больше? Два угрожающих бездушных понятия. Два главных вида рабства: земная тирания и вера в судьбу. И то, и другое делает человека беспомощным. И то, и другое может в секунду стереть тебя в порошок. Правда, опять при одном условии: если это попустит Бог. Если это каким-то образом соответствует Его замыслу. Опять, как ни крути, Он виноват, Он устроил!

А ещё в поездке перед самой аварией кто-то рассказывал

– Кирилл краем уха слушал, – как много лет назад один знакомый *во время собственной свадьбы* разбился на машине. Четыре месяца пролежал в коме, выжил, но остался инвалидом – физически и умственно. Его пожилой отец, полковник запаса, ушёл в монахи – всю оставшуюся жизнь вымалывать сына.

Значит, бывает и такое! "*В день, в который не ждёшь, и в час, который не ведаешь...*" Оказывается, можно запросто с самого высшего пика счастья, какой только есть в жизни, в секунду скатиться в пропасть самого худшего, что только может быть с человеком на Земле. Один миг, один удар, одна неслучайная "случайность". Аннушка уже разлила масло.

Хоть куда беги от темы страданий, они всё равно нагонят и пинка дадут. И ещё догонят и ещё добавят.

У Бога, видимо, боль даётся по графику. Вот раз – и ногу тебе хрусть. И вторую. ("Хрусть – пополам, хрусть – пополам!", как в "Мастере и Маргарите").

А дальше по графику кому там чего?

Но мы же ехали к Нему! мы же должны были быть под Его защитой (дурацкое сочетание "были быть" ну да ладно! не в этом дело!). Ну, и как же Он нас защитил!? "И волос с головы вашей не пропадёт..."? Да, волос-то как раз и не пропал – здесь Небесный Бюрократ пусть гордится собой! Всмятку – руки, ноги, рёбра. А вот волосы – те и вправду, никуда не делись. Даже у погибших.

И что это!? Издевательство над нами?.. Как ребёнок де-

ловито и с любопытством калечит игрушку... только игрушке-то не больно.

А ещё, помнится, говорили на колокольне: "Ох, ноги, наверно, будут болеть от таких высоких ступенек. Без ног вернёмся!" Ага! Ноги, конечно, будут болеть, а у кого-то и вовсе отлетят... только совсем по другой причине! И ни на какую другую колокольню кое-кто не поднимется уже никогда.

Как поёт БГ:

Отыскать, бы кто всё так придумал -
я бы сам его здесь придушил!

"Только поздно". Именно, что всё уже поздно! Кому-то лучше было б не ездить. А кому-то... даже и не рождаться.

Правильно Ромка поперхнулся! Знак нам всем подал. Лучше уж пасту не в то горло, чем гипс на обе ноги. Уметь бы всегда распознавать знаки судьбы... если она вообще есть!

Но может, Бог нарочно для забавы все её знаки переставил? Ведь случилось-то всё не когда-нибудь, а в день Смоленской иконы Божией Матери – всеми чтимой Одигитрии, то есть *Путеводительницы*. Обычно путешествующие читают акафист именно Ей: вот и мы в тот день в автобусе читали. А ещё накануне был день целителя Пантелеимона... только вот исцеляться-то как раз большинству из нас прежде было не от чего!

Почти все в тот день причастились. Ехали с Богом, в Боге – и несли только что принятого Бога в своих телах. Воистину, как говорится, "уже не я, но пребывающий во мне Христос".

И в таком-то состоянии влетели на скорости в свою Голгофу: на безвестном мостике через безвестную речку на каком-то двести-богозабытом километре.

"Крыша прохудилась... – подумал внутри Кирилла будто какой-то второй Кирилл, смотрящий на себя со стороны. – Когда над человеком прохудилась Божья крыша, тогда у человека едет его личная крыша!"

Душа человека становится – как планета без атмосферы: вся в кратерах от попаданий. Из космоса только и жди метеоритов! Нас бомбардируют внешние события – а изнутри взрываются вулканы помыслов.

И когда нас бьёт по голове практика, мы задним числом пытаемся подвести под неё теорию. Не то чтобы с теорией не так больно. Просто тяга к рациональному объяснению всего на свете... присутствует в человеке совершенно иррационально. Найти хоть какое-то объяснение, даже если это абсолютно ничего не исправит! Игра в кошки-мышки со здравым смыслом: непременно отыскать хоть какой-то вариант обоснования – поймать хоть одну убегающую "мышь" сознания, иначе так и останешься вечным "вОдой". В этом смысле, людям с примитивным взглядом на мир легче: они-то довольствуются самыми простыми объяснениями и не ломают голову. Интеллигенты же вечно гордятся своей рефлексией и ищут стройные причинно-следственные связи даже для самых ломаных ситуаций. Ломают голову... даже когда она и так чуть не сломана.

"Теперь не знаю, что хуже: что Ты *такой* - или что Тебя вовсе нет? Если Тебя нет, тогда хоть не обидно. Тогда никто ничего не "попустил" – просто сами впечатались. Ехали – и впечатались! Банальные законы физики и банальное несоблюдение ПДД. Законам физики не скажешь: "Почему это вы нас не защитили!?"

Когда после *плохо* бывает *хорошо* – это мы все принимаем как должное: как естественную, справедливую компенсацию. Радуемся: "Есть всё-таки Бог!" Но почему после *хорошо* бывает *плохо*?.. тут уж и душа, и логика встают против такого Его вероломства! А ведь и в прямом смысле "вероломство": вера-то от таких фокусов ломается – не железная же она у нас! И мы не железные! Не для того же мы ехали в Лавру, чтоб за несколько часов благодати заплатить неделями, а то и месяцами больницы.

Неужели одна какая-то жалкая секундишка может растянуться по последствиям на столько недель, месяцев, а у кого-то – даже лет! Это – как комета, у которой ледяное ядро может быть чуть больше стадиона, а хвост – миллионы километров?

Да, Комета Последствий – с хвостом на всю жизнь?

В ту ночь замечательного паломничества нам выдали гражданство страны под названием Беда. Те, кто в ней никогда не были, смутно представляют себе менталитет её народа. Главные в ней лозунги, вывешенные везде: "За что!?" и "Почему именно я!?". Её идеология – гремучая смесь ис-

ключительной веры и воинствующего атеизма: "Почему Бог допустил? Раз Он допустил... значит, Его нет!?"

Но никто извне не вправе осуждать измученных граждан этого сверх-тоталитарного государства. Всё, что от них можно требовать – это физически и морально выжить.

А тут ещё соседа по палате, некоего Илью, угораздило многоумно заявить:

– Страдания нас учат...

– Если они чему-то учат, то за эти дни мы уже, по-моему, экстерном сдали целый многолетний курс. И университет, и аспирантуру. Многим пора учёную степень присваивать – типа "доктор инвалидных наук" или "кандидат болеведения". Ну, чему вообще страдания могут научить! Кроме злости и тоски зелёной. Хочется найти виноватого, а так как виноватых нет, кроме Бога, то... вот человек и делает соответствующие выводы!

И продолжил размышлять...

По одному из древних – кажется, шумерских, – преданий, бог слепил людей из глины от нечего делать, когда был пьяным. Протрезвев и узрев дело рук своих, решил было всех этих уродов уничтожить, но... пожалел.

Тут всё понятно. Ну, какой спрос с пьяного! Какие получились – такие получились. Страдают?... ну, пусть вообще будут благодарны, что их всех, как брак, сразу же не утилизировали.

А у индусов весь мир – это сон Брахмы. Тоже всё понят-

но и успокоительно. Это же всё – только сон. Какие у кого претензии к сновидениям!?

У Кирилла вдруг мяукнул разрядившийся телефон, чудом уцелевший в аварии. Да, мяукает телефон, мяукает кошка... и, если задуматься, это так странно, как будто весь мир, начиная с нас, сбрендил и сейчас замяукает. К чему эти "мяу", к чему какие-то бессмысленные звуки, имитирующие жизнь и смысл в жизни? Почему вселенная существует по законам "мяу", а не по каким-то более логичным и рациональным правилам? На одном "мяу" далеко не уедешь. И даже на тысячах "мяу" не уедешь!

Неужели мир – бессмыслен, как "мяу-мяу" или "ав-ав". Даже ещё бессмысленней. Когда же в нём появится Слово?

Где Слово, там любовь. Где любовь, там Слово.

Бедя всегда бессловесна и нереальна. Реализм способно обеспечить только счастье. Его изъятие всегда дробит мир на множество абстрактных, нелепых, несочетаемых кусков. Самое адекватное определение беды – неадекватность.

Там, где в сознании возникает Цельность, это уже признак изживания беды.

Но до цельности было ещё далеко, как пешком до Африки.

Господи, ну хоть чем-нибудь меня отвлеки, чтоб я с Тобой не ругался!..

(1). Иов 3, 6-7

4. Забытая Дорога или День Пустяков

...Где всё конечно, кроме пустяков,
что Вечностью особенно любимы.

Ю. Шевчук

Это было за пару месяцев до аварии.

Бывают дни-форточки, как называл Кирилл. Маленькие форточки в повседневности. Раз – и проветрило жизнь на несколько часов. Вроде бы, ничего так уж сильно от них не меняется, но вспоминаются они потом почему-то долго. Даже в самые трудные периоды их всё-таки выпадает по несколько штук на год.

От дней-дверей дни-форточки отличаются отсутствием конкретики, какого-то явного прорыва, перелома... Хотя, нет-нет – про переломы мы сейчас лучше вспоминать не будем! Лучше вспоминать... а про что же вспоминать?

В памяти мелькнула рекламная надпись: "*Дом высокой скорости*". Вот давайте будем вспоминать – о скоростных домах!

– А был бы на Земле такой город... – фантазировал Ромка. – Были бы все дома на колёсиках – огромные, но на колёсиках... и они бы, например, раз в месяц все переезжали:

было бы такое правило. Ну, все бы местами менялись, как шарики "Спортлото". И никто заранее не предупреждал, куда именно его дом переедет. И вот главный прикол! Люди утром пошли бы на работу – а вечером по всему городу искали бы свои новые адреса. Первое Апреля каждый месяц. Всё непредсказуемо: может, твой дом теперь за двадцать километров? а может, и в соседнем дворе? Все бы только и спрашивали у знакомых: эй, а вы случайно не видали, куда там мой дом уехал?

– Куда моя крыша уехала? – продолжил Кирилл.

– Во-во! *Никто б никогда не знал, куда он переедет!* Было б такое... разнообразие в жизни. Чтоб люди не скучали.

Братья шли по своему захолустному городку, не скучали и фантазировали – и город, действительно, становился вдруг разноцветным, начинал жить, двигаться, открывать свои тайны.

Идея Ромки навевала ассоциации с Вековечным Лесом у Толкина. Там деревья могли передвигаться. А здесь – Вековечный Город? Только не Рим, не Иерусалим... Тут что-то "вековечное" в самой эфемерности. В самой игре. Никто не знает, где он окажется в итоге.

Вдруг их догнал на велосипеде человек лет 50-и, вполне интеллигентного вида, но весь буквально взмыленный. Неужто тоже искал свой дом?

– А какой сегодня год? – озабоченно спросил он, притормозив.

– 2014.

– Уфф, слава Богу!..

– А что такое?

– Да вон там совсем нехорошо... там портал открылся. Я еле ноги унёс!..

– Да?

Трудно было не заметить, что он и вправду еле-еле мог отдышаться.

– А народ там хоро-оший... только не дай Бог никому с ними встретиться! Ну ладно, пока... я – дальше! Берегите себя!

– Странный дядечка!.. – склонил голову набок Ромка.

– Да белочка, наверное, у человечка. Хотя, вроде, на вид трезвый.

– А может, он просто на компе переиграл, – предположил Ромка. – Ну, перепутал два мира – бывает... Слу-ушай, а может, и *на самом деле портал открылся!*? Может, он это, как его... – засланец?

– Всё может быть, – сказал Кирилл. И подумал, что совсем даже не "уфф!" и совсем даже не "слава Богу", что на дворе 14-й год. Впрочем, может *там* ещё хуже? тогда... весело, что мы *здесь*.

– Слушай, а мы-то сами щас идём *куда-то* или просто так гуляем? – заинтересовался Ромка.

– А... каждый человек, по-моему, всю жизнь идёт *куда-то*, даже если не подозревает об этом, даже если "просто

так" гуляет. Знаешь, Ром, мне иногда кажется... вот тебе, может, будет смешно, но мне кажется, что я вот, допустим, иду-иду – просто так, как мы сейчас – и вдруг куда-нибудь приду – не к месту какому-то, а как будто бы – к счастью какому-то, что ли? *К Богу?* Не к *вере* в Бога, нет – это-то давно... но этого мало, а именно – такое вот детское ощущение (оно, действительно, у меня ещё в детстве бывало), как будто к Самому Богу *придёшь, как к маме* Идёшь-идёшь и придёшь – а Он уже ждёт, давно ждёт, соскучился. А ты всё идёшь и идёшь и никак почему-то Его не найдёшь, не дойдёшь – заблудился, что ли? Может, Он переехал – адрес поменял, как в твоём городе? А может, ты дорогу забыл... а ведь помнил когда-то – и вдруг забыл! Это, вроде, и страшно, это даже самое страшное в жизни, что ты "забыл" ... и всё-таки надежда какая-то – что найдёшь, вспомнишь! Или какое-то место найдёшь, которое тебе о Нём напомним. Или какого-то человека. Только долго-долго надо идти-идти и не останавливаться. И где-то там, за перекрёстком, который ещё очень далеко... вдруг раз и увидишь Его. Ну, может, Его уехавший Дом, что ли? Может, "портал"? Пусть люди называют это раем – но мне-то *главное, что Он там.*

Кирилл сам не знал, что это на него такое нашло. Но Ромка – удивительно, – не только не стал "смеяться", (с чего бы?), а даже, кажется... *всё понял?* Неужели и так бывает? "Неужели я, наконец, нашел того, кто меня понял?" – удивился Кирилл.

Путешествие по своему городу – такое, словно тоже ищешь "скоростной дом": настолько оно бесцельное, незапланированное. Два неродных брата, почти никогда не гулявшие вместе, вдруг взяли да пошли то ли за покупками, то ли на набережную, то ли на окраину. Лето началось – *что-то сделать надо!* Просто свободный погожий денёк, просто делать нечего, просто... Лето – наш рулевой. У него нет мозгов, есть только солнце и ветер. Неужели все наши действия имеют мотивы? Прямо все-все? Не верится. Как ни странно, почти всё лучшее в нашей жизни творится спонтанно. А может, и ничего странного в этом нет?

Соседний скалистый пригорок романтично именовался Козлом – потому что на вершине его "с древних советских времён" стояло изваяние козла, глубокомысленно смотрящего на реку, как баран на новые ворота. Он и поныне там. Кажется, когда-то был оленем, но рога отломились – и стал козлом. Но Козлом разве кого удивишь – "на Козла залазили" все! А вот здешняя, безымянная гора была куда менее освоена. Она и повыше, и покруче, и подальше. "Селфи", сделанным на ней, вполне можно похвастаться перед одноклассниками.

– Смотри, вверху скала, как башня. Давай до неё долезем, а? – предложил Ромка. – Там, наверное, прикольно!

– Давай.

– А вон там даже – как бы амбразура на ней, что ли? Видишь, чернеет?

– Вот долезем и увидим.

Конечно, это были не Гималаи, но... хотя бы такой Аюдаг местного значения ("Крым быстренько присоединили – и в подсознании уж тут как тут крымские ассоциации" – усмехнулся Кирилл). Большая каменисто-лесистая туша над рекой: уж медведь или кто другой – у кого какие ассоциации. "Нет, не медведь – скорее, дракошка... ещё и с боевой башней на спине. А что там всё-таки за "амбразура" такая?"

Альпинистская романтика, оказывается, охватывает человека даже в самых небольших горах. Особенно, если этому человеку 11 лет.

Всякий верхолаз – это человек, который, как в сказке по чудесно проросшей горошине, взбирается на небо.

Дорога в Небо – дорога домой(1).

Главное, что круча уходит в небо. И не так уж важно, насколько она высока. Главное, насколько высоко небо над ней. А бесконечность везде равна самой себе.

Сначала поднимались быстро, "на первом дыхании". Потом гора стала выставлять препятствия – те, что с разгону не возьмёшь. Ромка был настроен по-боевому, лёгких путей не искал, сворачивал везде на самые короткие, зато самые крутые дорожки (если это можно назвать дорожками!) – и всё время оказывался впереди Кирилла. Одолевал высоту целенаправленно и пылко. И пыльно... Старший брат, честно говоря, едва поспевал за ним. Вот-вот гора покорится этому сорванцу – мелькающему по серым осыпям шустро,

как мышшь, которая лезет к уху слона.

Кирилл вдруг понял: страсть детей к быстрому перемещению чуть приоткрывает тайну Пространства. Они живут так, как если б его, *трёхмерного*, не существовало вовсе, и всё кругом строилось бы на одной телепортации силой мысли. У каждого из них – свой "портал". Увидел что-то, подумал о чём-то – и мигом к пункту назначения. Пока бежишь, ты всемогущ и вездесущ. Линейного времени и жалкого трёхмерного плена не существует. Взрослые одёргивают их только потому, что уже не понимают этого *другого восприятия мира*.

Потому и ритм жизни детей другой: день *большой*, год *большой*.

День сейчас был солнечный, но очень ветреный: на горе то и дело казалось, что тебя сейчас просто сдует.

– Это же приключения! – радовался Ромка.

Казалось, каждый метр подъёма заряжал его всё большей энергией. Иногда он нарочно застывал, растопырив руки крестом, чтобы "надуло парус". Из куртки, конечно.

– Гора и ветер – день чудесный!.. – чуть переиначил он Пушкина.

– Не навернись-ка, друг прелестный! – продолжил Кирилл.

Каждая скала-ступенька была очередным достижением. Каждая каменистая осыпь вдохновляла сначала штурмовать её, потом, обернувшись, тут же самому "отражать штурм",

скатаывая вниз камни и любуюсь , как они с грохотом под-
скакивают в пыли. Будто несутся в атаку на невидимых вра-
гов. "О, вот этот дальше всех долетел!.. не, вот тот ещё даль-
ше!.. О, вон-вон, смотри-и – видишь во-он, внизу, кусты ещё
вздрыгнули: вон он докуда доскакал... А у этого я вообще
тринадцать прыжков насчитал – ты веришь: три-над-цать!.."

– Да осторожно, сам-то не скатись вслед за нами! – опа-
сался Кирилл. – А то как бы, наоборот, камни твои прыжки
не сосчитали!

Но, видать, кому суждено разбиться в автобусе, не упадёт
с горы.

"Бог очень бережно хранит нас – как драгоценные сосу-
ды... чтоб расколотить именно в *нужном* месте. Ни метром
раньше, ни секундой позже!"

"Амбразура в башне", когда долезли, оказалась на повер-
ку мемориальной доской в маленькой наскальной нише. Бе-
лели высеченные на чёрном имена двух разбившихся пара-
планеристов.

– Давно было... – задумчиво сказал Ромка, прочитав дату.

– Год моего рождения, – машинально отметил Кирилл.

"Вот тебе и портал..." – подумал он через секунду. И
странное, казалось бы, бессмысленное, открытие мелькнуло
в голове: "Меня *ещё* не было – а их *уже* не было".

Рано или поздно каждый находит в жизни свой портал.
Или даже, как минимум, два: в начале и в конце.

На горе попадались даже мини-ущелья между отдельны-

ми глыбами и столбами.

– Э-а... – кряхтя, вылез Ромка из самого сложного. –
Смотри: я рождаюсь второй раз!

И ведь родился – кто же ему запретит! Где, как не на высоте, человек рождается в простор. Шустрый мальчишка, который отлично понимает, что он "прикольный" и что эта изюминка в нём почти всем нравится... и от сего осознания ведёт себя ещё прикольней: не то, что специально старается, а уж как-то так выходит – и для себя, и для друзей.

– Прикольно быть прикольным!

А за ним, далеко-далеко, в том небе, которое *внизу*, виднелись крохотные, как бакены, лодки, и крохотные, как лодки, корабли. "Глазастая" от судов река бесстрастно смотрела в небо.

– А гора курит сигару! – показал Ромка на чуть дымящий кораблик, зрительно будто уткнувшийся в их скалу (на самом деле до него было, наверное, полкилометра).

– А это блин на реке, – показал Кирилл на плоский остров.

– Не-е, не блин это! – возразил Ромка. – Это – заплатка, надо её отодрать. И реке будет просторнее, и... саму заплатку перешить на небо. Чтоб остров нашёл себя среди облаков. Как небесный замок Лапута.

– Блин, я согласен, что это не блин! – сказал Кирилл.

Кажется, сегодня они с Ромкой с полуслова понимали друг друга.

– А настоящий мир, оказывается, почти такой же интерес-

ный, как в компьютере! – подвёл итог Ромка.

Городок их был самый заурядный, но с высоты казался чудо каким красивым. *Таким* Ромка ещё не видел его с самого рождения. Да и Кирилл давным-давно, со своего детства, не озирал собственную "берлогу" сверху. И ведь почти ничего с тех пор не изменилось: машина времени сейчас легко сработала, как портал того дяденьки! Даже на дальнем, давно уже накрывшемся заводике, всё так же, как "в древности" красовалась надпись "Слава КПСС".

– Знаешь, что такое КПСС? – спросил вдруг Кирилл.

– Э-э, – приложил палец ко лбу Ромка. – КПСС... – Крепость постройки Супер-Сталина.

– Вообще-то это Коммунистическая партия Советского Союза.

– Ну, по смыслу почти то же самое! – оправдался Ромка.

– Кирилл, глянь! Ну, вот где логика!?! – позвал он через минуту.

– А что?

– Ну, вот жук ползёт-ползёт по травинке вверх – и травинка наклоняется под его же тяжестью, и он с самого её конца опять переползает на землю... *так зачем же, блин, он лез!?!*

– Ром, у жуков нет логики.

– Но у нас-то логика есть! Мы же должны это как-то объяснить!

– А должны ли?

"По-моему, все люди живут либо по логике жуков, либо

по логике, пытающейся объяснить логику жуков".

– Или вот назвали божью коровку – коровкой! Ну, это ж просто кто-то смотрел-смотрел, смотрел-смотрел до опупения – и решил, что она похожа на корову. Кому-то не лень было наблюдать, как она пасётся! Всякие там жуки, коровки – им ведь *самим-то* наплевать, как они со стороны выглядят, а вот человеку почему-то – не наплевать! Человек всё всегда сра-авнивает – что на что похоже... и чтоб всё маленькое было похоже на большое... и чтоб вот така-ая вот корова и во-от такусенькая букашка – всё одним словом! Это только человек так может.

Кажется, в эти секунды Ромка смотрел на мир глазами Адама, впервые дающего имени.

"Неужели и мы для Бога тоже – как эта букашка? Вот куда-то ползли по травинке шоссе. Вот куда-то бухнулись. Хотели вверх – но высота травинки ограничена. Бог, Тебе так же забавно наблюдать?"

– Если так по-научному рассуждать, то ведь горы – это практически открытые переломы земной коры, – решил вдруг блеснуть знаниями Ромка.

("Интересно, как бы он выразился сейчас – после своих нынешних "практически гор" в белых снегах бинтов?")

Творческий человек всегда интересен тем... что в нём есть интерес к чему-то. Его узнаёшь за версту в любом обличье, в любом возрасте. Он – *свой* человек. Для Бога и для всех неспящих людей.

Проснувшиеся проснувшихся видят издалека. Спящие ничего не видят, а только храпят. С ними невозможно общаться, потому в их сон мы всё равно не попадём, даже если б захотели. Нас для них нет. Творческий человек – это проснувшийся и *видящий* человек. И Кириллу в тот день показалось, что он проснулся на несколько часов. Что Ромка его *почти* разбудил. А сейчас?

"Да, вера у меня пока не так сильна, чтоб гора перешла "оттуда сюда" по моей молитве... но в памяти она вполне может перейти. Что и продемонстрировала сейчас, в больнице".

А что ещё было в тот Пустяковый День? Ах да, фокусы из книжки.

– Ты когда деньги будешь спать укладывать? А то они у тебя опять на дискотеке! – выговаривала одна продавщица другой: видно, из-за того, что не все деньги были уложены в кассу.

– И какие у нас всё-таки творческие личности! – восхитился Кирилл. – Надо ж было так образно сказать! Нет, с такими людьми мы непобедимы.

А на стёклах того же книжного магазина запомнились предостерегающие надписи: "Окна не открывать! Падают на голову!"

– Поразительная у нас страна: тут вообще ничего нельзя *открывать* – потому что всё неизбежно падает на голову! –

заметил Кирилл.

("Мог ли я тогда знать, что мне... целый автобус упадёт на голову. То ли я на него упаду – это уж как считать. Наверно, не важно. Ключевое слово "голова": всё остальное с разной скоростью вращается вокруг неё. И с разной силой по ней стучит").

Ромка частично уже потратил традиционную сумму в подарок от бабушки – "к окончанию учебного года". Но тут ему на глаза попала роскошная "Книга занимательной физики или секреты домашних фокусов" – просто мечта для такого мальчишки! Денег немножко не доставало. Ну, Кирилл и раскошелился – без всяких ромкиных просьб, просто увидев, какими глазами тот смотрит в книгу... явно видит не фигу.

И уже дома подробно – с опытами! – они разбирали содержание книжного сокровища. Всякие стоящие ни на чём – и висящие ни на чём! – вилки и ножи; "пьяные" алюминиевые банки, застывшие в позе Пизанской башни; перевёрнутые стаканы, из которых ничего не выливается (потому что воду держит всего-то крохотный листок бумаги, а его, в свою очередь, держит-притягивает вода) и т. п.

И теперь в голову Кирилла опять задним числом стучалось:

"Бог – такой же экспериментатор? Мы что – те же стаканы и банки? А всё Мироздание – книга, вроде той, что мы с Ромкой купили: живой сборник "прикольных" эксперимен-

тов... который Бог подарил Сам себе".

Но до чего же красивыми были некоторые эксперименты! Вот, например, ползущая радуга. Ставишь разноцветные точки фломастером на бумаге, опускаешь её краешек в воду (но так, чтоб вода самих точек не касалась) и – готово дело!

Столбики краски вместе с влагой расплывчато поползли вверх по невидимым бумажным сосудам. Они шевелились, как живые. Они соревновались в захвате бумажного пространства, ведя своё вертикальное наступление. Они расчерчивали свои беговые дорожки.

Казалось, быстро ползут вверх, стараясь не отстать друг от друга, семь змеек. Или струйки разноцветного пламени (от невидимого семиголового дракона?) почти отвесно вздымает откуда-то взявшейся сильной тягой. А может, это была ещё одна *забытая дорога* – её интерактивный чертёж.

Лист бумаги ожил. И проводил сейчас по своим капиллярам соки.

– Лист пьёт! – совершенно точно определил Ромка. И смотрел на него как на абсолютно живого: как только что за жуками наблюдал.

"Цветик-семицветик" из сказки: "Хочу, чтобы у мальчика выздоровела нога!.." Да, вот теперь, через 2 месяца, это стало актуально! Но нет уже того цветика-семицветика.

"Всё на свете стремится вверх – даже краски фломастера... И мы только что лазили – вверх... Жуки лезут вверх. "Забытая дорога" явно ведёт куда-то *вверх*... хотя бы это я

ещё помню. Но мы же – не краски фломастера: нам иногда бывает очень тяжело туда... вверх! Мы какие-то тяжёлые! Нас явно надо *от чего-то* освободить, чтоб мы смогли... вверх! От *чего?* От нас самих? Нас от нас! Да, взять и освободить. Только как? Где те капилляры, которые поднимают в Небо?"

В тот День Пустяков Кирилл думал: "Вот ведь какой фигурной занимаемся. А почему-то совсем не жаль "потерянного" времени и сил! Может, оно вовсе не потеряно, а как раз наоборот. "Потерявший время своё ради друга сбережёт его, а сохранивший время своё потеряет его"... Откуда эта цитата – вроде, что-то знакомое?"

"Пустяки" составляют самую радостную суть человеческих отношений. "Пустяки" – это фейерверки, без которых и праздник не праздник. Всё непрактичное, не будничное, не шаблонное, не казённое в нашей жизни – это и есть "пустяки". Дружба, Любовь, Семья, даже Вера – всё высокопарное становится *живым* именно от пустяков.

Если благими намерениями вымощена дорога в ад, то может, вот такими "пустяками"... в обратную сторону?

Та самая дорога. Забытая.

Кирилл вдруг открыл для себя:

"Оказывается, когда мы делаем что-то по-настоящему хорошее, мы с изумлением чувствуем, что нет *в нас* источника этого хорошего, этого света: оно к нам *приходит*, и лично мы

имеем к этому примерно такое же отношение, как к рассвету за окном. Но... зато уж точно от нас зависит – закрыться или не закрыться от этого рассвета, переждать его в погребке или выйти навстречу, на улицу. В мире нет заслуг – есть *принятие* (или не принятие) *дара*.

Слава Богу, что Ты хоть что-то доброе нам даёшь.

Но... если б только добрым у Тебя всё и ограничивалось!!!

(1). А. Макаревич

5. Отходы производства

Надлежало ли вам во имя Бога говорить неправду и во славу Его говорить ложь? Надлежало ли вам быть лицеприятным к Нему и за Бога так препираться?

Иов 13, 8

А они хотят ночь превратить в день, светом замазать

ЛИК ТЬМЫ...

Иов 17, 12

В жизни каждого человека, как в жизни государства, бывают свои революции. Существование может годами, даже десятилетиями течь размеренно: иногда до полной рецессии, деградации. И вдруг какое-то внешнее событие провоцирует внутренний взрыв... только оглядываясь, уже задним числом понимаешь, насколько же давно он назревал! Революции бывают бархатные – и не очень. То, что произошло теперь с внутренним миром Кирилла, было революцией радикальной – и кровавой, в самом прямом смысле слова. "Царя в голове" (или, может, самозванца, лишь казавшегося таковым?) с маху вышибли, и установилась короткая, но полная анархия, за которой, по закону жанра, что-то должно было наступить. Какой-то *новый строй*. Совсем новый.

Свято место пусто не бывает.

Кирилл никогда не задумывался, что он любит Ромку (не было в жизни повода задуматься). Но сейчас при мысли, что у шустрого братишки раздроблены ноги... хотелось крикнуть Богу: "Ты-то куда смотрел, всемогущий, блин!"

Ему перебили голени – прямо как разбойникам, что висели на крестах рядом со Христом. Что разбойники первого века, что мальчик двадцать первого – получается, для Тебя, Отца, вообще нет разницы, кого мучить. Что Сын Единород-

ный, что "сыны по благодати" – у Тебя все должны страдать. Зачем-ем!?

Если человека казнят, он вправе хотя бы выслушать приговор. Узнать: за что? А если не за что, тогда преступник уже не он, а тот, кто наказывает. Так это выходит, крути не крути. За что казнить 12-летнюю девочку, за что перебивать кости или отрывать ноги её ровесникам – это уж совсем непонятно!

– Кому-то ногу ампутировали, а кому-то – веру. – высказал мысль вслух Кирилл.

– Это ты про себя говоришь? – услышал сосед.

– Может, и про себя. Нога у меня, слава Богу, на месте, а вот вера...

Самым колоритным соседом по палате был средних лет, интеллигентного вида "раб Божий Илия" (так он сам представился!), который даже в больнице вслух вычитывал утреннее и вечернее правило, да ещё почти постоянно читал псалмы и акафисты. Сначала он делал это громко, пока другие пациенты не заговорили в том духе, что, мол, "мы вообще-то в травматологии лежим, а не в психбольнице" – после чего чтение продолжилось уже полушёпотом... да и больные как-то понемногу привыкли, как к обычному фону.

В травматологию раб Божий Илия попал, как позже рассказал, "от сугубого поста" – то есть, конечно, не от самого поста, а оттого, что однажды от истощения упал в обморок на лестнице и очень неудачно ударился о перила и ступеньки.

– Болезнь или травма – это административный арест, который люди отбывают по приговору Судьи Небесного, – сказал Илья. – А если дольше – это уже серьёзный уголовный срок, это уже за тяжкие преступления против воли Божией. Иногда – пожизненное заключение. Иногда – казнь. Каждому своё! Он хорошо знает, кому что дать.

Кирилл подумал: "А может, "раб Божий" прав? Может, в мире есть какой-то Палач в прямом смысле слова: бьёт, убивает, отрубает конечности... Четвертование, колесование – полный набор услуг".

– Да детям-то за что!?

– Он уж зна-ает за что! Может, смеялись за трапезой. Может, рассеянно стояли на службе или баловались. Разговаривали во время службы – это уж наверняка! Или – выходили из храма до конца службы. Может, накануне плохо молились. Не вычитали полностью утреннее-вечернее правила. Наверняка уж, играли в телефон в автобусе, а поездка-то – паломническая. Тут не играть, тут молиться надо... Да мало ли чего ещё! Современные дети грешнее нас, поверь мне! Если мы их не бьём, тогда Бог их бьёт... И вообще, я тебе скажу, ваша авария произошла оттого, что ехали в группе неверующие люди – вот Он и наказал!

– Всех!? Прямо совсем всех!?

– Всех! Потому что даже если и были Христовы люди, поехали-то они всё равно с неверными – и тем самым тоже осквернились. Не может быть никакого общения у верных с

неверными – разве только для проповеди, и то обличающей! Для обличения заблуждений общаться ещё можно (вот как я сейчас с тобой говорю! только для этого!), а так... ни за общий стол с ними не садиться, ни в общих делах никаких... Это же люди геенны! она для них уготована! Она – их дом от начала! Вот ты вот удивляешься, как это Бог в *этой* жизни так наказывает... Да если б ты только знал, что *там* для них уготовано!.. да ты б от такого знания не ел, не спал!.. а только б до самой смерти всё, не вставая, на коленях стоял и молил, чтоб Он тебя *к ним* не причёл, а уж как-нибудь, молитвами святых старцев, помиловал. Сами-то себя мы уже никак не отмолим – потому что уже последние времена! всё, кончилось время отпущения грехов! теперь уже *даже исповеди* Господь ни у кого не принимает, по-оздно!.. Но есть ещё несколько великих старцев, которых Господь слушает: вот они имеют власть на земле прощать грехи. А остальные люди – это отходы производства! Я же сам – инженер. Знаю, что безотходного производства не бывает. 99 и 9 десятых процентов людей – это необходимые отходы производства при акте Творения. ("Получается, у Бога самый низкий КПД из всех когда-либо известных живых существ или машин, – подумал Кирилл. – Если бы Бог был *такой*... тогда это был бы уже не Бог!") Господь так запланировал изначально. Я тебе ещё раз прямо скажу: у вас в группе точно люди неправославные... не настоящие православные! И неправославные дети: то есть крещёные, но... неправославные! Вот неправославные!

славные и всё!

Илья красноречиво развёл руками.

Кирилл разозлился:

– А насколько православны или неправославны вот эти деревья!? Насколько православны или неправославны вот эти дома!? Дети по-вашему – неправославные!? Да они все – Божьи. Все! Как этот мир.

– Ты вот лучше почитай-ка Псалтирь – она даёт утешение душе, – перевёл разговор Илья.

– Спасибо, я и так уже хорошо утешился...

– Зря-зря так говоришь! От лекарства отказываешься! Кто читает Псалтирь, для того проясняются пути Божии и от ропота ничего уже не остаётся.

– Мне бы сначала в своих путях разобраться.

– И в них разберёшься! А я тебе помогу... Я знаю, многие из молодого поколения не понимают древних текстов. Мол, всё это было давно и не про нас! А я тебе на практике покажу, что Псалтирь всегда современна! Я вот тут сам написал... по Божьему вдохновению, когда очистил свой ум чтением *той* Псалтири. Небесными молитвами святого царя-псалмопевца Давида и святого благоверного царя-великомученика Иоанна Васильевича Грозного, Помазанника Божия, дал мне Бог крестную силу и благодать написать... новые псалмы. На вот почитай, просветись – многое и в *вашей* истории станет более понятно... я даже скажу: ясно, как день!

Делать в больнице всё равно нечего – хронически нече-

го! – и от этого-то самого "ничего" Кирилл неожиданно для себя согласился полистать огромный рукописный фолиант новоявленного псалмопевца (1).

"Господь мой и Бог мой!

Ей, Господи, великий в силах, услыши моление служителя Твоего верного, раба Твоего Илии – одного из семи тысяч оставшихся верных. Доколе будешь Ты, Многомилостиве, терпеть беззакония грешных, заполонивших землю Твою и поднебесную? *Гнев Твой, Господи, приближается и не будет ему конца.* Ты, Господи, ужасный в праведном гневе Своём и страшный паче смерти и паче всяких ужасов для грешников и беззаконных и всех не страшщихся Тебя и не соблюдающих в страхе и трепете волю Твою святую. Ты, Господи, щедро вознаграждающий верных и люто наказующий и истязующий паче всякой меры грешных во аде. Кто устоит против гнева Твоего праведного и святого! Или кто не падёт ниц пред Лицом Твоим, великим и ужасным в гневе, от которого горами захотят укрыться грешные в день Судный, и не укроются! Кого не смелют жернова Твоей кары, священной и справедливой, когда приидет её час! Ты, сосчитавший все власы на главах людей и все грехи в уголках их душ, и записавший всё сие в великую Книгу истязаний. Ты, не жалеющий ни малого, ни большого, ни раба Твоего единого, ни страны целой или народа, не хранящих Заповеди Твои. Молю Тебя, Господи, великий и всемогущий, приблизь Свой день и час и покарай, как только Ты Один можешь карать,

в день и час Твой, и люто покарай и замучай всех грешных и неправедных, и неверующих в безумии своём, и всех маловерующих, и всех иноверующих поганых и отвратных не познавших Тебя, *ибо ад – их дом от начала*, и всех неправославных, и всех православных лишь по имени, но не по духу и делам, и всех нерадивых пред Тобой, и всех не постящихся и не молящихся Тебе в превеликом трепете и страхе и почтении пред Тобою, и всех, нарушающих даже малейшую Твою заповедь. Ты, праведный и нелицеприятный и милостивый Судия, обреки их на муки вечные, обетованные Тобой. "Да погибнут грешные, а праведницы да возвеселятся". Да будут гореть неправые, по заповеди Твоей, в вечном пламени и в алом озере из серы и вечно истошно вопиять Тебе из бездны кремешной, уготованной им и диаволу и всем аггелам его, и безответными останутся все вопли и крики их и стенания и извивания и молча и праведно будеши взирать Ты с небес на горение и муки неправедных и не верных Тебе. Кто неверен – тот да горит вечно, как головня. И да будет дым от их телес вечно возноситься к Престолу славы Твоея, якоже от кадила. И да будет от сего вящая слава для Имени Твоего Святого и радость для праведных, и да будет вечно торжествовать на земле, и в небе и в преисподней справедливость Твоя. Да не пощадиши ты из них ни младых, ни старых, а некрещёных всех даже во младенчестве отправиши во ад. Ибо для всех неправых уготовал Ты единую вечную геенну, и век преидет, а геенна не прейдёт и да будет всё по слову Твоему святому!

Гнев Твой, Господи, начинается, и не будет ему конца..."

Кирилл прервался. Да уж! Что сказать? "Есть у революции начало, нет у революции конца" – вспомнилось ни к селу, ни к городу. Но, может, это просто такое "традиционное" начало, а дальше пойдёт что-то другое? Ведь не мог же Илья написать 400 страниц сплошь *такого* текста... Перелистнул наугад.

"Ей, Господи Вседержителю. Да разберёшь и разрежешь ты их по суставам, каждого грешника и каждого иуду, ибо в каждом суставе их – грех, да расчленишь Ты их по кускам малым и кускам от кусков на Великом и Страшном Суде Твоём за все дела их неправые и скажеша ты им громко, подобно голосу вод многих: встаньте ошуюю от Меня, рабы лукавые, *изначально, от рождения, обречённые на муку*, ибо прознал Я про все дела ваши, прежде чем вы родились. И поволокут их Ангелы Твои небесные, по дороге истязуя и терзая их и воспевая хвалебную песнь премудрости Твоей великой и Твоему милосердию всехвальному и Имени Твоему Всесвятому. И Серафимы, и Херувимы Твои восхвалят Тебя, волоча и вострявая грешных, и воспоют победную песнь: "Светися, светися, Новый Иерусалим! Свершился Армагеддон!" И возвеселятся все 144 тысячи праведных одесную Тебя и воссмеются. А триллионы неправедных в лютом мучении восплачутся и возгрызут свои кости. И будет плач и скрежет зубов. И не будет им нигде укрытия от гнева Твоего святого. И глаза их от мук будут вылезать из орбит, и

тела потемнеют и скукожатся от пламени, и языки кровавые обвываются вокруг шей и воскликнут они громким голосом, осипшим от мук: "Господи, Господи!.." – и ответишь Ты им, праведный Судия: "Не всякий, восклицающий : господи, господи – наследует Царство Моё. Идите в огонь вечный, слуги сатаны". И взвоят они и в бездну посыплются с криками. А бездна от воплей их возрокочет и возгрохочет и возбурлит и их поглотит".

Кирилл ещё перелистнул страницу:

"Лют Ты, Господи, в гневе Своём. Судия и Палач Ты в одном Лице Твоём Святом, и Великий Мучитель неправедных, дивно искусный в мастерстве Твоём наказующем и истязующем. Бич гнева Твоего святого, распростёртый на всю Вселенную, да не престанет бесконечно опускаться на главы и рёбра грешных и вопли их, всесожигаемых и забиваемых, да не престанут улаживать Твой слух, а треск их костей и шипение всесожигаемой плоти да будет аккомпанементом..."

"С ума!.." Далеко там ещё до конца или хотя бы до другого раздела? Посмотрю хоть страниц через 20, что ли.

"Власть Твоя, Боже, в истязаниях более, нежели в чём другом проявляется – в истинной полноте своей превеликой. Ибо о какой полноте власти можно было бы говорить, если б ты не истязал. И всякий мог бы тогда сказать во грехе своём, будто власть Твоя неполная и Ты будто не всё можешь. Можешь убить, но не можешь, например, мучить без меры всю Вечность. А Ты можешь и делаешь – и являешь нам то,

к истинной радости всех праведных и жаждущих справедливости. *Ибо власть истязать – есть власть превыше всякой другой власти* во Вселенной, и власть Божия только такой и может быть, ибо она есть – полнота и неограниченность. Всякая другая власть ограничена и только власть Истязателя не ограничена ничем. Сия-то есть власть вечная над душою и телом в равной мере и не будет и не может быть конца сей власти. Власть миловать ограничена милосердием, а справедливая власть истязать не ограничена ничем. Власть миловать ограничена *временем*, ибо вот – Ты помиловал, и он, грешник, уже свободен, и карающая власть Твоя над ним Тобою же самим упразднена. А разве должна власть Божия меняться от времени?

Истязания и ад, паче всего другого, являются доказательством Твоего истинного всемогущества. *И Истязание – есть Всевластие*, без которого Господь не был бы Господом, ибо не был бы Он всевластен. От ужаса пред тобою вся Земля вострепещет, почуяв бич Твой святой на спине своей, и вззоет, как живая.... Ты – великий Истязатель рабов неверных, и гневу Твоему нет конца и послабления, и не будет. И за это я Тебя, Всемогущего, восхваляю".

Ага, понятно! Ну... страниц через 30:

"Ад – вот чего я молитвенно пред Тобою желаю всем грешным, ибо *да будет каждому своё*. И ещё желаю созерцать с облаков Твоя славы мучения грешных, ибо отрада праведных – видеть справедливое наказание грешных, и, нет

больше тоя отрады. И Ты даруешь эту отраду всем праведным Твоим. И для них Ты сделал безпрестанность этих наказаний, дабы нам их созерцать. Ибо как для Тебя это великая отрада, так и для праведных Твоих – равно отрада. И чрез сию общую отраду мы в Тебе пребудем, а Ты в нас, по обетованию Твоему. И это нас соборне объединяет.

Ибо что может быть отраднее – слышать вопль грешных, уже не могущих согрешить! Что славнее такой справедливости истинно Божественной, ибо грех истребляется Тобою с лица земли. А под землёю грех паки и паки истребляется, ибо если и у людей в тюрьмах именно подземелья – места мук, то тем паче у Тебя под землёй – место мук, дивно Тобою устроенное. Мук таких, что и не изобретёт земной палач, а только Ты можешь, Судия и Палач небесный, Единый могущий мучить так, что от мук и болей не умирают и не впадают в безчувственное безпамятство, а ещё больше мучаются. Ты изобрёл это, Господи! И за это Тебе слава во веки".

(1). Прошу не захлопывать дальше книгу со словами "Какой ужас! Какое кощунство!" Кстати, полностью согласен с этой оценкой именно "псалмов Ильи". Предупреждаю, что, к сожалению, они очень сильны по своему воздействию и могут быть просто опасны для людей со слабой верой или слабыми нервами. Им читать их категорически не рекомендуется – лучше просто пролистнуть до конца главы. На всякий случай, напоминаю для всех категорий читателей, что сам

автор стоит на противоположных позициях.

6. Лампады из-под тёмной воды

Вот идут с образами – с образами *незнакомыми*
Да светят им лампы из-под тёмной воды.

Б. Гребенщиков

-Это же гениально! – воскликнул Кирилл. – Гениально и просто. Как деревенский сортир – гениальное творение архитектуры...

Илья что-то ему говорил, но... Кирилл уже ничего не слышал от звона в ушах, мучительно склонившись над тазом.

Сегодня головная боль по-своему очень гармонично сочеталась с кружением и тошнотой, затягивала в липучий кровавой водоворот и давала понять, что ты сам – его часть. Тянули куда-то вниз ставшие вдруг очень тяжёлыми мозги (и нет в мире ничего, кроме них!) – это теперь не тот орган, которым думают, а тот, который мешает думать! Мозги очень мешают! Они мешают – и их мешают...

Кажется, как будто мозг там, внутри, вращается, как галактика.

Господи, зачем мир потерял верх и низ? Я ж не на орбите, я ж не в невесомости...

Странно: голова, вроде, и небольшая часть тела, а ко-

гда она болит, её много. Но самое-самое странное – думать столько времени головой о голове! Органом, которым думают, каждую секунду думать об органе, который думает... Бред, запутаться можно! Да это и есть бред! Это я о голове не думаю – это я её чувствую. Но нельзя же чувствовать, не думая. Её много, слишком много! Она большая, её много и она гудит и думает... Она гудит, потому что большая и большая...

Лучшее средство от головы – топор. Потому что топор не может болеть, а голова может. Лучшее средство от топора – голова. Потому что топор не может думать, а голова может. Вот не думал, что от думанья может тошнить. Но ведь это не голову тошнит, это же меня тошнит. Странно – какая тут связь! Где желудок, а где голова?

Вот ведь не здраво, не здраво! когда голова болит-думает вместо того, чтобы не-болеть-думать. Или не-болеть-не думать. Главное – не болеть! Не болеть... не думать... не тошнить...

Боль тупо и всесильно царила в голове и в мире. И близкая авария, и дальняя война, Украина, край, кройка, кровка... – всё казалось равно тупым, рваным и нереальным, просто сейчас именно эта нереальность стала более реальной, чем явь. "Да мы же все просто сместились *за грань*. Мы мы с каких-то пор стали жить по законам кошмара. Бог просто перепутал два мира с точностью до наоборот и поместил нас... в то, чего *нет*".

Боль, оказывается, уже изначально заложена в человеке, как взрывная сила в снаряде. Нужен только детонатор. Вся система из миллионов болевых рецепторов мигом превратит потенциальную энергию в кинетическую. Всё до того тщательно продумано, предусмотрено Конструктором, что можно подумать, человек – это просто мощнейшая электростанция боли. Чернобыльская АЭС.

В слове "больница" (по правилам языка) надо бы поменять ударение и говорить: "бОльница" – примерно как "сахарница", "мыльница", "чернильница": в общем, то место, где находится боль. Куда она со всех концов свозится, собирается, хранится... Где её – до крыши и выше! Где и люди – не люди, а единицы боли. То, чем её измеряют. Где и разговоры – всё о ней, родимой.

Вот детская больница – это, пожалуй, именно что больница. А взрослая больница – скорее, бОльница.

Кирилл между делом вспомнил, с каким удовольствием раньше – в школе да и на первых курсах – пропускал занятия по самой классической причине: "болит голова..." Тогда он, оказывается, не знал, КАК болит голова! Как это бывает. И что это вообще такое. Нет, он тогда не притворялся: он и вправду думал, что вот это вот и есть – головная боль!!! Избалованное человечество наивно называет головной болью свою фантазию о головной боли. Испытали её немногие – остальные только слышали... и в блаженнейшем неведении полагают, что испытывают её почти каждый день. Дай им Бог

так и остаться в этом неведении!

"То, что со мной было раньше, так же можно назвать головной болью, как лужу – морем. А вот теперь я вышел в открытый океан! И как же здесь штормит-то!"

Если есть на свете чудовища, которых нельзя увидеть, но можно ощутить, то головная боль от сотрясения мозга – одно из самых мерзких. Это какое-то воплощение всемирной тошноты. Весь мир – огромный кровоподтёк, который давит на тебя. Он то ли мучает, то ли сам мучается... то ли – и то, и другое. Представьте синяк, который живой, самостоятельный и при этом ещё вездесущий. Когда болит голова, *болит мир*. Голова помещается в мире – но и мир как-то помещается в голове. Мир ударил в голову – но ему-то самому от этого разве лучше стало?

И как теперь мир спасётся от бреда, если бред – в той самой голове, которую он же и ушиб?..

Болит солнце, болит горизонт. Тошнит небо, мутит нагнувшийся потолок. А тут тебе ещё суют... псалмы!

Ночь в клинике – совсем не та ночь, что снаружи. Ночь здесь прорастает из недр больницы, как поганка из прели. Ночь разворачивает свой мертвенно-бледный зонтик над теми, кто по большей части не может уснуть. Недуг ползает по человеку прикосновениями липкого, грязного пограничного мира, и бред рисует тупую боль буро-малиновыми пятнами.

В бессоннице ты будто кому-то должен. Будто перед кем-

то *обязан* уснуть. Работа у тебя такая – с 8-часовым рабочим днём... или, вернее, ночью. Сизифов труд: ворочать камень своего отупевшего мозга на гору сновидений. Он, конечно, срывается. Тяжкая работа по засыпанию не даёт уснуть.

Человек не может не думать. Он каждую секунду о чём-нибудь думает – как дышит. Пусть даже болит тот орган, которым думают – он всё равно думает! Как больные астмой всё-таки дышат – плохо, но дышат.

Плохие мысли – всё-таки мысли. Голова кашляет ими – а всё-таки думает. Дурацкий мысленный зуд болезни и бессонницы: ущербные "открытия", травмированные "озарения"... Буря помыслов?... да нет, даже не буря, а сиплое дыхание.

Встреченный в жизни фанатизм наполняет душу тоской и каким-то моральным удушьем. Тяжело совсем без Бога, но ещё тяжелей с *таким*. Прямо хоть вовсе не живи: обложили со всех сторон! Сцилла и Харибда: либо пустота совсем, "без никого" – либо пустота, из которой протянута к твоему горлу страшная "всемогущая длань".

Что интересно, "бог" фанатиков и "бог" секулярных интеллигентов – поразительно похожи! Вся разница в том, что одни ему поклоняются, другие от него плюются. Но и те, и другие не видят никакого другого Бога, кроме него. Суеверие подпитывает неверие... и наоборот. Раболепство одних перед Верховным Истязателем заставляет других отшатываться от Бога вообще, потому что любить Садиста невозможно – легче допустить, что Его нет совсем... но даже и

этого "несуществующего" – всё равно ненавидеть и бояться, как если бы Он был.

Кириллу сейчас опять подумалось: а может, Илья отчасти прав? Тогда бессмысленно *Такого* Всемогущего просить о пощаде: выслушает-то он эти мольбы, конечно, с удовольствием – и с удовольствием поступит наоборот!

И от этой мысли мир сразу как-то исподволь почернел – как в миг катастрофы. Будто... теперь уже какой-то внутренний автобус свернул не туда и с размаху врезался в устои мира.

Есть мысли, имеющие слишком большие последствия для нашей жизни – иногда даже больше, чем слова и дела. Есть допущения, после которых трудно остаться счастливым... или хотя бы просто спокойным.

Месяц выглянул из облака, как кошачий коготок. Ласковое, казалось бы, небо грозило в любую минуту поцарапать. В *ту* ночь, * суток назад, у него это получилось. Кошка с мышками крепко, зверско поиграла.

А дальше что?

Что с нами дальше будет?..

Даже в самых глубоких приступах богоборчества неизбежно встаёт вопрос: "а дальше-то?" Ну, крикнешь ты Ему в лицо свои (а свои ли?) слова, ну, вызовешь на суд, как Иов, ну, "билет почтительно вернёшь", как Иван Карамазов... а дальше-то ЧТО?

Чем больше подросток бунтует против родителей, тем

больше чувствует, насколько же он от них зависим...

Даже наша свобода – тоже Его дар. Попытка освободиться от Него – это... попытка освободиться от свободы?

Не уйти от Него – ни в сей жизни, ни в вечной. Ни у кого в истории человечества это не получилось.

Стало знобить, и Кирилл изо всех сил закутался. Дальше было вообще... сначала смешно. Сначала какой-то тяжестью налилась нога – будто её, как бутылку, чем-то наполнили, и она почти перестала чувствовать. Только Кирилл стал её растирать, как вдруг волна озноба, как дикой щекотки, от ноги?... да, именно от ноги покатились волнами и волнами по всему телу, словно щекотку из бутылки ноги перелили в бассейн тела. Шторм! И смех и грех! И непонятно, что произошло – и чуть страшно где-то, и самому над собой смешно. Трясёт так, что зубы об зубы стучат. От ноги, что ли, трясёт? И выговорить ничего нельзя. Кирилл привстал, выпил воды – это стереотип такой, как при икоте: мол, выпил и сразу всё пройдёт, – лёг опять и закутался, чуть не матрас на себя натянул. Постепенно "трясучка" затихла – как у холодильника, когда в нём временно отключается жутко громко работающий мотор, нагнав уже температуру до нужного уровня.

Почувствовав себя лучше, Кирилл встал и вышел из палаты. Открыл дверь и попал в лабиринт.

Лабиринт не кончался, как муки в тех псалмах. Он состоял из отдельных помещений, анфиладами переходящих друг в друга. Сумеречных, но не совсем тёмных. Свет падал непо-

нятно откуда... если это свет? А может и не свет, а мерцающая разновидность темноты. Все помещения – со строго купольными сводами. А может, это одно-единственное помещение, но отражённое в парных зеркалах. Ровная бесчисленность затягивала и растворяла в себе. Она была *мёртвой*, потому что в живой природе такой бесконечной симметрии не существует. По абсолютной безграничности, это был Космос, никак не меньше, но по разделённости на ровные ячейки – неживой, *не-наши* Космос.... Совершенно *не-наша* Вселенная?

Квадратно-купольный водоворот, засасывая, нёс всё дальше и дальше в жерло этих анфилад. Кирилл забыл, зачем сюда попал, но то ли шёл, то ли бежал, то ли летел. Кажется, искал выход – но как найти то, чего нет! Чёрную кошку в тёмной комнате... в несчётных тиражированных комнатах. И только он мысленно произнёс шипяще: "*чёрную кошку...*" – как почувствовал присутствие чего-то до невозможности *чёрного*. Он остановился – потому что, кажется, чёрное поджидало где-то *впереди*... и если уж от *этого* не спастись, то, во всяком случае, торопиться туда явно не хотелось. От нарастания и нарастания ужаса, как температуры по градуснику, *Кирилл вдруг проснулся*.

Встряхиваясь, чтобы окончательно пробудиться, он выбрался из палаты теперь уже по-настоящему. В первый-то раз лишь приснилось, что он проснулся, а теперь – действи-

тельно проснулся. Хотелось проветриться, подышать свежим воздухом. Но... неживым светом мерцали лампы в длинном больничном коридоре, и Кирилл приостановился в больной растерянности. Они тихо гудели, но как-то не так. Непонятно *как*, но именно что – *не так*. Коридор, коридор... двери-двери-двери. Двери в чужие палаты. В чужую боль. И неживой свет, как в морге. Гудящий, словно его можно потрогать. Чрево кита, в которое угодил Иона. "Как душно! Куда он идёт? Я даже не знаю, кто "он"? Коридор, Иона или кит? Или я?.. Послышалось "Илья".

Нет, я-то, кажется, знаю – я хочу пойти... в больничную церковь. И поставить свечку за выздоровление. Своё, и Ромки, и Марины, и всех наших. Там – Владимирская икона и Целитель Пантелеимон. Там хоть на время станет поспокойней. Хуже всего во время бреда сидеть в замкнутом помещении, словно дожидаясь чего-то: пока, как в белой горячке, на тебя станут медленно опускаться кряхтящие стены и страшно усталый потолок. И этот гроб сейчас захлопнется... или ты уснёшь и не проснёшься.

Может, Владимирская икона всех исцелит?

А где-то там, в небе, комета – неделю назад передавали по радио? Кирилл поднял заспанные глаза, и увидел, как она светящейся точкой с хвостиком плывёт... по потолку. Он сморгнул, зажмурился, смутно понимая, что тут что-то неладное, и увидел ползущую муху. С ума сойти! Хоть на секунду, но все вещи путаешь и принимаешь их *не за то, что*

они есть на самом деле.

"Ничего, ничего, сейчас поднимусь на 4-й этаж, а оттуда всего шагов сорок до церкви. Или это не шагов сорок, а у меня температура под сорок?" Стало страшно. До этого было просто непонятно-тревожно, а сейчас отчего-то отчётливо страшно. Кирилл всё-таки пошёл. Поднялся на 4-й этаж. И вдруг засомневался. А может, 4-й этаж внизу, а не вверху, и на него надо вовсе не подняться, а спуститься. Да нет! Ниже спускаться уже некуда! Итак спустился ниже, чем возможно. Пошёл по коридору к церкви. Вспомнил, как говорил недавно Ромке про *забытую дорогу*. Да, и здесь дорогу забыл. Может, это *не тот* храм.... Нет, тот, тот.... Пусть будет тот. Но уверенности нет. Странно, чем ближе к нему подходил, тем больше не по себе становилось. Найдётся ли здесь защита!?

И вдруг бредовое "открытие" из мира потустороннего пронзило Кирилла всего до мурашек. *Защита есть!* Ещё как есть! Храм от *них* защищает, стало быть, *они есть*. С защитой хуже, чем без защиты! Как бомбоубежище своим наличием напоминает об опасности, так храм – напоминание... И зазвучала в старом патефоне головы одна из жутчайших песен раннего-раннего детства (в том возрасте, когда все песни воспринимались как-то по-иному):

Не надо бояться густого тумана,

Не надо бояться пустого кармана...

"Не надо" – значит, *надо!* Детское сознание в 4-5 лет та-

инстинктивно преломляло смысл: "Пустой карман" – самая зловещая примета. "Густой туман" – ещё понятней...

Умейте всем страхам в лицо рассмеяться:

Лишь собственной трусости надо бояться...

Ага... страхи имеют лицо. *Живые неживые*. Нежить с лицом! Зловещий хоровод в темноте: поймали и надо теперь им рассмеяться в лицо – это такая магия, такое заклятье: если рассмеёшься в чёрный лик, оно сразу снимется: все они рассеются, как тот "густой туман"... но попробуй-ка, рассмейся среди такой жути! А не рассмеёшься – они мигом набросятся с воем и всё – и Смерть... хуже Смерти. Хуже Смерти то, что *утащат*...

А Трусость – это самое *главное* из них... как Вий, гнилое-гнилое.... Едет верхом на других *них*, злобно визжит, и у неё много-много лап, щупалец, клешней и клювов... и какие-то мельтешащие клювы: "тру-тру", что-то щёлкает, трещит, как сейчас эти лампы дневного света.

"Старость меня дома не застанет -

я в дороге, я в пути",

– продолжал играть патефон головы. Старость – Смерть, они ведь заодно. Поджидают кого-то дома, сидят, затаились. "Не застанут" – значит, всё-таки они *есть*! Дома "не застанут" – тогда "в дороге, в пути"? Там же будет еще хуже! Никто там уже не поможет: дорога, безлюдный и безлунный путь, густой туман... Уж мы-то теперь знаем, что бывает *в дороге*!

Остановившись в непонятном столбняке, Кирилл как-то сразу стал различать архитектурные детали, которые раньше терялись в "тумане". А тут вдруг сразу отыскались столпы, и арки и даже закомары, видные изнутри – всё, что бывает в большой церкви.

"Да это же храм! *Я уже дошёл*". – понял Кирилл, но это открытие совсем не обрадовало, а ровно наоборот. "В чём же дело? – недоумевал он. – Это же церковь. Ведь ты ж сюда и шёл. Отчего теперь-то весь сжался?.. Ты же всегда любил церкви! Всегда? Ну!.."

Да, странно, здесь и в помине не было того чувства покоя, которое само собой приходит в церкви... наоборот, стало *ещё гораздо хуже оттого, что это храм!* И что путь *кончился*. "Я просто переволновался! – понял Кирилл. – Надо остаться подольше, помолиться, собраться с мыслями... тогда всё встанет на свои места. В храме не может долго быть плохо!"

Он перекрестился. "Здесь не место! – послышался откуда-то голос, словно какого-то провожатого. – Здесь – *не то!* Оглядиись получше...". Пригляделся. Да нет, всё точь-в-точь как в обычной церкви! Иконостас, образа... Странно. Только... с образов отовсюду смотрят чёрные морды в красных колпаках. А глаза не звериные, а *ещё хуже*. А в руках странные, не от мира сего, предметы, и откуда-то уже точно известно, что эти предметы причиняют страшную боль. Они

для того и созданы. Кирилл вздрогнул и перевёл взгляд так быстро, что чуть шею не свернул. Из алтаря, в котором было темным-темно – ни просвета, – вышел кто-то в священнических одеждах. Кирилл с надеждой устремился к нему – отец Павел? – но "отец" обернулся (сначала почему-то не показалось удивительным, что вышел он задом наперёд, пятясь). Лицо оказалось – как на "иконах", а вместо глаз зияли дыры, как "пустой карман". Руки держали чашу. В чаше находилось, как отчего-то сразу стало ясно – "антипричастие". Что это такое, Кирилл не понимал – но совершенно явственно чувствовал: нечто безмерно *не-наше*. Хуже "тумана" и "кармана". Кто-то словно приподнял его и он наконец разглядел, что же там. Это была именно "жертва", но не Та, "бескровная" – не Святая Евхаристия. Не великое Церковное Таинство. Кирилл вмиг понял, *кому* жертва – и... даже не от самого зрелища, а именно от "кому" тут же в невероятном ужасе проснулся.

Ощупал мокрую голову – и впервые в жизни узнал, что, оказывается, "волосы дыбом" – никакое не преувеличение: они стояли сосновым лесом! В первые два раза он, оказывается, и не просыпался и никуда из палаты не выходил, а теперь по-настоящему проснулся.

Соседи спали на соседних койках, была, видимо, глубокая ночь. Тихо гудели где-то вдалеке приборы. Кирилл не сразу облегчённо вздохнул – не сразу сообразил, что проснулся. Но сообразив – откинулся на подушку. Опять засыпать

(проваливаться *туда*) жутко не хотелось. Опять выпил воды. Опять лёг. Опять начинается паломничество...

2.

– ...Страшно, о страшно!

– Что же страшного, коли сам бы Христос?

– А захватит и вознесёт.

– Живого-то?

– А в духе и силе Илии, не слыхал, что ли?..

Обымет и унесёт...

Ф. М. Достоевский "Братья Карамазовы" ("Отец Феррапонт")

Лабиринт тянулся всё так же. Но было уже не так одиноко и страшно, словно на сей раз Кто-то спустился и незримо присутствовал рядом, успокаивая. Экскурсия, не экскурсия? Кирилл начинал тут всё больше понимать и разбираться. Понимал, с чего было так не по себе тогда в "храме" и даже в коридоре, ведущем к нему – даже ещё до видения "священника" и "чаши". Или... почти понимал, но пока не до конца понял?..

Вот, видно, он дойдёт до конца лабиринта и поймёт совсем. Все дороги здесь ведут не в Рим – все дороги ведут... Чувствуется, что конец у бесконечного лабиринта есть и сей-

час он откроется.

Вдруг открылся новый зал – самый большой во всех анфиладах. Он был чем-то освещён, так что даже во все предыдущие храмы попадали отсветы. Вот откуда брался тот полусвет, замеченный с самого начала! Кирилл заторопился на это сияние и вышел на порог. А с порога обрадованно увидел источник радостного света. "Вот... судьба вознаградила за всё! Наконец-то я вышел. И *куда* вышел! Да, все испытания пройдены! Все катастрофы! Все болячки! Ведь так вот и надо, что к Нему приходишь только после испытаний. Уж я-то их выдержал!". Впереди в сиянии стоял... Господь. И от чувства, что это именно он, Кирилл, не кто другой, Его увидел, на миг захватило дыхание. Господь стоял и светился чётким красно-фиолетовым Силуэтом, и приветливо манил. И сам храм, и Кирилл, попавший в храм... светились – были пронизаны Его лучами насквозь, как рентгеном. Показалось, Кирилл даже видит в этом свете все свои внутренности. Всё! И как будто бы... себя со стороны! Со стороны он стоял... очень величественный в этом фиолетово-огненном свете, делающем всех попавших как бы частью Его Самого.

Но вдруг стало как-то так... что он закрыл глаза, зажмурился изо всех сил. Но продолжал чувствовать всё пронзающие насквозь, "сканирующие" лучи и Присутствие. И Волю. Мощнейшую, растворяющую в себе. И весь зал вокруг – бесконечный, тоже состоящий из той же лучевой Воли.

Да, перед Кириллом стоял Царь. Всемогуший. Вседержи-

тель, Пантократор и Космократор. Он стоял – полноправный Базилевс в парадных одеждах в своём дворце, но в этом дворце были *подвалы*, а в подвалах... Словно кто-то шепнул на ухо истину: "Сознайся: мы боимся чёрта, потому что он будет пытаться, мы боимся Бога, потому что он будет пытаться. Это главная во всей Вселенной истина". Кирилл погнался от себя мысли об "истине", чтоб не сойти с ума, вычеркнул мысли о тех вещах, которые держали *те*, на "иконах".

Что-то *босховское* охватило его. Кирилл почувствовал себя одним из героев босховских полотен, которых волочат в бредовый мир бредовые существа. Он только что был в мире, хотя и скверном – а провалился туда, где хуже, чем скверно. Прямо в "чашу".

Дрожь-трясучка, несравненно хуже прежней лихорадки, охватила его и стало понятно, *что это за "Господь"*! Он светился примесью всё той же красной краски, какая была в "чаше". Но только теперь Кирилл не смотрел, а сам вращался в той чаше. Отцы Церкви были хорошо и давно знакомы и с этим оттенком *его* риз, и с этим светом. Со всем тем видением, которого... не пожелаешь даже самому страшному врагу. Потому что нет и не может быть – ни на Земле, ни в Преисподней, ни во всей Вселенной – ничего более смертоносного!

От него веяло не Любовью. В *него* веяло водоворотом его любви к *себе*, который тут же, сворачивая голову, затягивал и "зачаровывал" попавшегося человека. Он был окутан *тай-*

ной, но не Божьей, от одного упоминания которой испытываешь мир, а тайной беспросветного, безграничного отторжения от всего живого. И всё живое инстинктивно сжималось в его присутствии, *не хотело больше жить*, но даже этим сжатием и нехотением нигде не могло спастись и укрыться. И вращалось в чаше его взгляда. И чувствовалось: если ты в него попадёшь – а *его* главная цель чтоб ты туда попал! – то уже не выйдешь ни-ког-да! И попасть *туда* в – миллион-в-миллионной степени жутче всех смертей. И жутче пытки, и жутче самого кошмарного сна. И "свет" – как красивые щупальца актинии: только подплыви, рыбёшка. Ну, подплыви! Да этот "прекрасный цветок" уже никогда тебя не выпустит – только дотронься – *добровольно-принудительно!* – до щупалец "света". До "объятий Господа".

В одну секунду как-то осознав это, Кирилл бросился бежать. Бежать-бежать изо всех сил, бежать из этого главного в галерее "храма" – от этого главного во всей Вселенной Мертвяка.

Но – не получилось! И вот тогда-то... Никогда за 22 года предыдущей жизни он не испытал ужаса, хотя бы отдалённо сопоставимого с этим! Даже не знал, что такое вообще бывает! Вот такое: рядом стоит и пытается затянуть тебя тот Единственный, Кто Страшнее Смерти – замаскированный главный волк в овечьей шкуре ("от мысленного волка звероуловлен буду...") – а ты не можешь даже сдвинуться с места. Ты – "жертва", из прежнего сна, вращаешься в липком

красном водовороте и сейчас исчезнешь в нём... но именно – в нём, то есть, хоть и исчезнешь, но *не до конца*, и этот светящийся нимбоносный Чекатилло будет бесконечно... бесконечно...

И тут вдруг вспомнилось Имя Христово! Странно, как же оно раньше не вспомнилось! В самом начале Кирилл почему-то не назвал Его по имени – забыл? Увидев Его искажённого, сразу забыл Его Настоящее Имя! Наверно, потому и забыл, что искажённый...

Имя и Смысл мгновенно забываются в подобных видениях. И от гордости, что *он* разжигает, и от ужаса. Мотовилов – хоть и был любимый ученик Серафима Саровского, но от подступившего кошмара забыл даже перекреститься, когда перед ним явился бес, с которым он незадолго до того мечтал "побороться" в припадке тщеславия. А его-то бес даже и не маскировался под Христа!

Но даже когда чёрт "косит" под Бога! – неизбывный страх, что вечно сопутствует ему, как вонь (не отмыть никакими шампунями, не прикрыть ни одним лучезарным одеянием!) – выдаёт. Так уж, видно, от Бога дано ему *навек*: "вонь"-дрожь – как опознавательный знак. Только б духовный насморк не заработать, не потерять способность различать её!

Кирилл вспомнил Имя и перекрестился. И начал сквозь дрожь, вспоминая Пасху, чтоб было легче: "Христос воскрес из мёртвых, смертию смерть поправ..." – и тотчас же Ненастоящий исчез. Не выдержал и несколько секунд. Ки-

рилл не ожидал такой быстроты. Такого спасения в миг... от того, от чего, казалось, никакого спасения нет и не будет, и быть не может!

Он проснулся.

7. Человек

Славой Божией является живущий человек.

Свт. Ириней Лионский

Мы не узнаём в этом любви.

Любовь, которую мы обычно себе представляем, выражается более бурно.

Но тут речь идёт о настоящей любви: о сети связей, которые делают тебя человеком

А. де Сент-Экзюпери

За стеклом подобие рассвета начало смутно и очень робко разбавлять ночь. Так лимон чуть осветляет чай. Или опять это только кажется? Нет, все полуночные призраки "света" позорно сбежали – и теперь свет утратил способность *казаться*. Августовская ночь действительно доехала до опушки. А Кирилл доехал до опушки своего сна. И почти успокоился. Почти.... Будто он в церкви, только теперь уже *на-*

стоящей. Вон букетик на столе, прямо перед окном. Как перед иконой неба. Слабость осталась, но теперь от неё было... как-то почти приятно. Как в детстве, когда болеть почти всегда приятно. Потому что в детстве и болеешь по-детски.

Ватные ноги по инстинкту довели до окна. Кирилл выглянул. Ночная улица каким-то неуловимо *новым* перетекающим оттенком постепенно превращалась в утреннюю. Но вдруг один вид малюсенькой чаши-фонтанчика во дворе бросил в дрожь.словно из него плеснули-ошпарили. Сразу вспомнилась круглая... в которой вращались... Кирилл отпрянул от стекла, как ужаленный. В холодном поту оценил:

"А ведь я запросто мог не проснуться – совершенно натурально умереть от разрыва сердца и *остаться навсегда с тем*. Так бывает! И очень даже нередко.

Выходит, Бог, как я Его ни ругал, уже дважды меня спас – при аварии и сейчас..."

И чтобы не вернуться в Сон, он почти машинально взял со стола Библию.

Она открылась на словах: "Когда подумаю: утешит меня постель моя, унесёт горесть мою ложе моё, ты страшишь меня снами и видениями пугаешь меня..." Да, вот и у Иова к Нему – судебный иск. Составленный в нескольких десятках глав. Ох, и нелегко же с Ним! Хотя без Него получается – ещё хуже...

"*Зачем Ты поставил меня противником Себе, так что я стал самому себе в тягость?..*" (Иов 7, 20)

"Если бороться силою, то Он могущественен, если судом, то кто сведёт меня с Ним? Если я буду оправдываться, то мои же уста обвинят меня; если я невинен, то Он признает меня виновным..." (Иов 9, 20)

"Ибо Он не человек, как я, чтоб я мог отвечать Ему и идти вместе с Ним на суд!" (Иов 9, 32)

Надо будет утром сходить к Марине, хоть с ней посоветоваться.

* * *

– Я ехал к Богу, а получил по лбу. Причём, в прямом смысле слова, – Кирилл потрогал огромную шишку. – Люди ехали в паломничество, а им оттяпали ноги... чтоб больше никуда не ездили? Ну, и чему полезному должен научить этот урок? Что нами управляет абсолютно всемогущий, безграничный в своих возможностях Псих, а мы – Его подопытные кролики?

– А ты сходи и посмотри... – чуть ли даже не весело отреагировала Марина.

– На кого?

– На подопытных кроликов.

– ???

– На Ромку, Данила... на других детей! Хоть ты и не "абсолютно всемогущий", но всё равно... как будешь лучше себя чувствовать, даст Бог, сходи да навести, чем просто так... с воздухом-то спорить! Ты же говорил, врач уже разрешает тебе гулять во дворе? Если сможешь на днях пройти лишних

сто метров до детской больницы (папа, если что, тебя проводит), то... Я думаю, кролики будут тебе очень рады!

Легко следовать советам, когда они стопроцентно совпадают с твоими желаниями! Кажется, для Кирилла сейчас и вправду не было ничего актуальнее, чем сходить к Ромке. И хотя врач пока ничего такого не "разрешал" (тут Кирилл соврал), ну, да и без разрешения обойдёмся! А "*даст Бог*", про которое сказала Марина, устроим себе прямо сегодня. После ненастоящего "Бога" в самый раз зайти к настоящему братишке. Всё-таки – *живой* человек.

"Если гора не идёт к Магомету, Магомет идёт к горе".

* * *

Кирилл пересёк большой больничный двор.

Ещё не вошедшие в багряную силу и сок, какие-то игрушечно-оранжевые кисточки рябин (наборы пластмассовых пулек-драже) обрамляли маленький деревянный храм. Тот и сам был похож на игрушку в коробке из высоких панельных корпусов. Август, рябины, больница... капелька-куполочек под перекрестьем сотен окон, из которых выглядывают больные. Зачем-то всё это надо...

Первый глоток настоящего воздуха после недели больничной духоты. Кажется, внутри даже воздух нездоровый. А снаружи – то, чем дышат обычные люди. Здесь – мир, не любящий думать о страданиях. Не умеющий и, главное, не желающий заглядывать сквозь стены – *по ту сторону*, где они есть.

Впрочем, путь Кирилла был сейчас транзитом сквозь этот

мир – от больницы до больницы. Детская клиника, как ему и объяснили, оказалась наискосок, через переулок – метрах в двухстах от взрослой.

В коридорах больших больниц запросто можно заблудиться без провожатого. Это какой-то лабиринт Минотавра. Чувствовался нездоровый душный жар, как в предбаннике ада: просто чтоб лежачие не простудились от сквозняков, отопление работало даже летом. Во взрослой всё же было как-то посвежей.

В детской травматологии атмосфера оказалась – совсем не как во взрослой. В коридорах галдела, бегала, шустро ковыляла шумная и озорная детвора: разве им объяснишь, что они больные и должны вести себя как больные! Никому они ничего не должны! Их много и они скачут – кто на своих двоих, кто на костылях. Непохоже было, что дети когда-нибудь философствуют о смысле страданий детей. Что для них это животрепещущая тема.

"Больница переделывает под себя взрослого человека, а ребёнок переделывает под себя больницу", – подумал Кирилл.

Наконец, с несколькими подсказками, он нашёл в лабиринте ромкину палату.

– Привет!

"Ну вот, только теперь я по-настоящему проснулся".

Разноцветные шарики висели над больничной кроватью так, что казалось, Ромка – красиво упакованный подарок на

собственный день рождения. Койка с ним и со всеми ортопедическими приспособлениями – этакий огромный белоснежный торт... Такая странная ассоциация на минуту мелькнула в голове Кирилла. Правая нога братишки покоилась на небольшом возвышении на растяжке. Первый слух, будто у Ромки открытые переломы *обеих* ног, к счастью (ну хоть это-то к счастью!) оказался неточным: видно, Архитектор катастроф не любит полной симметрии! На левой ноге несуразно, как лютая зима посреди лета, белел гипс – от бедра до ступни, только пальцы чуть торчали. Здесь был закрытый перелом, так что необходимость в растяжке отсутствовала.

Чувствовался какой-то парадоксальный уют в самом неуюте – пожалуй, его источником был единственно Ромка. Жарко, душно... но так бы сидел и сидел в этом полуаду-полураю. Никуда отсюда не хочется! Давно не было так спокойно и хорошо!

– Я тут – как начальник, с комфортом, понимаешь... – похвастался Ромка. – Отдельная палата. Можно сказать, отдельный кабинет! Полностью обслуживают, прям всё-всё за меня делают. Ухаживают, как за египетским фараоном! Да, мы тут солидно бодем.

Вошла сестра с градусником-пистолетом, быстро приставила ко лбу Ромки. Тот смешно скосил глаза и шепнул: "Щас меня ликвидируют. Меня заказали!"

"Выстрел" показал практически нормальную температу-

ру: 36,9°.

– Вот, а было 38 с чем-то там. Ну, это первые два дня. Мне тут шесть уколов в день делают. Представляешь! – похвастал Ромка.

– Ни фи..! – невольно отреагировал Кирилл. – Ого-о!

– У меня уже от уколов попа как звёздное небо, – хихикнул братишка.

– Самое забавное было в первый день, – продолжал он. – Просыпаюсь – что такое: руки привязаны! Вот так, – показал Ромка, – как будто меня распяли. Сестра проходит, говорит: ты после наркоза буянил. Я прошу: ну, развяжи-ите уж, пожалуйста! я буду хороший! А она чё-то злая была и только отмахивается: "Дайте поспать! Устала я с вами!" И пошла. И не развязала... Безобразие! Свободу попугаям!!! Тогда я сам развязался! Сначала одну руку, потом – другую... Ну, одну руку пальцами вот так... изловчился, а эту – уже свободной рукой. И всё! и свобода! Там уж мы веселились целый день: в реанимации-то все вместе лежали – там не скучно было! уж потом всех в отдельные палаты сослали. А тогда ещё чё-то, помню, угорали: реанимация – анимация... ну и всё такое.

– А Данил тоже с вами был?

– Да-а, только Данил под маской лежал, он разговаривать не мог.

И тут Кирилл понял. А ведь всё это – *правда!* Так веселятся *победители!* На Пасху смех не грех.

"Животворящие дети со своими дурашествами добрались

даже до реанимации. Прямо какое-то "Сошествие во ад", – икона в лицах!" – с невольной иронией попытался представить себе эту картину Кирилл.

– Ну а у тебя что интересного? – спросил в свою очередь Ромка.

– Да ничего особенного...

– Ка-ак так ничего особенного! – иронично перебил Ромка. – Не должно быть "ничего особенного". Наоборот, всегда должно быть что-то особенное!

"Особенное?.. только чёрт в образе Бога... а так больше ничего" – хотел сказать Кирилл, но не сказал.

– Ну, ты же чем-то занимался все эти дни? – уверенно задавал наводящие вопросы Ромка так, словно все дни в больнице невероятно насыщены мероприятиями.

– Думал!

– О чём?

– Ну как... Почему с нами всё это произошло?

– О, это я тоже думал! И додумался. Потому что наш водитель забыл песню!

– Какую?

– "Крепче за шофёрку держись, баран".

– Сам переделал?

– Угу.

– Молодец! я думаю, всем шофёрам понравится!

– У тебя вон шишка большая! – обратил внимание Ромка.

– Да, это единственное, чем могу похвастаться. Лучше б,

конечно, все вокруг говорили: о, *ты* - большая шишка!.. а то всё "у тебя" да "у тебя"...

– Лучше ходить большой шишкой, чем ходить с большой шишкой! – подхватил Ромка.

– Лучше ездить большой шишкой... – поправил Кирилл.

– Да, ездить?.. Ездить, конечно хорошо – только не как мы в этот раз... приехали. Да, а к нам позавчера губернатор приезжал, планшеты вот всем подарил. Хороший планшет!

– Дедушка говорит, флэшка в фотоаппарате сломалась – ничего не извлекается. Жаль! Фотки такие классные пропали! Так-то вообще поездка интересная была...

– Интересная!?

– Ну да! А что? Сначала же хорошо было, а потом... как-то не очень хорошо! да? *Но ведь сначала-то было хорошо!* – повторил Ромка с интонацией, как в известном юмористическом диалоге: "Вчера были очень большие раки, но по пять..."

"Да, он меня ещё и поддерживает. Битый небитого везёт!"

Кирилл ожидал – и боялся! – увидеть измученного, подавленного ребёнка, которого непонятно как утешать, а встретил прежнего Ромку, которого непонятно зачем утешать. Психология страдальца оказалась слишком далека от этого одиннадцатилетнего Человека. Он, наверное, просто не знал, как её на себя примерить... потому и не примерял. Он был бы круглым двоечником в школе нытиков.

Человечек всем своим видом демонстрировал: "Ну, что! ну, так тоже бывает... Приятного, конечно, мало – но всё равно куча новых впечатлений. Разве не так? Жизнь вообще интересная штука!"

Раненый мальчишка развлекался. Три несочетаемых слова... Но он развлекался.

Он охотно и с интересом объяснял смысл всех *своих* приспособлений, словно это была его личная достопримечательность. Так постоянные клиенты "качалки" хвастаются наращенными мышцами. Он же стал теперь целым миром, Гулливером, к которому лилипуты что-то там приделали, живой планетой, на которой всюду шло строительство и ремонт. Ему самому всё это было и странно, и любопытно.

– ...А вот видишь, там из ноги торчит такая спица и к ней грузик привешен... вон посмотри с той стороны... да, это на неё моя нога надета. Во-от... *пищцу* мне в ногу вставили!

– А там, где бинт – там что, ещё и рана у тебя?

– Типа раны. Там просто кость сломанная торчала, – спокойно пояснил Ромка.

– Крови много было? – зачем-то спросил Кирилл, поёжившись.

– Не-е, не очень много. Вот Данил – он, говорят, много крови потерял... – Ромка вдруг многозначительно поднял палец. – Если видишь на себе кровь, не бойся: может, это просто Бог прихлопнул на тебе комара.

– Сам придумал? – удивился Кирилл.

– Типа того.

Вся неслабая активность шустрого Ромки перенеслась теперь на руки, туловище и голову. Нижнюю его половину как будто заколдовали, заморозили, окаменили, обездвижили. Для его же пользы. Верхняя жила своей жизнью, словно бы совсем отдельной – абсолютно противоположной. Это была просто какая-то обезьянка! Специальная перекладина над койкой, за которую Ромка то и дело цеплялся руками, "карабкался", только усиливала ассоциацию.

– Осторожно, не сломай себя дальше... ты и так уже сломанный, – напоминал Кирилл. – Это королю Карлу Безумному в XV веке казалось, что он – стеклянный сосуд, и он очень боялся: ведь заденут и разобьют нечаянно! А ты хоть и не король и не стеклянный, но ты же на растяжке.

– Да. Вот если б можно было так на время самому из себя выйти!.. – мечтательно сказал Ромка. – Или отстегнуть ноги. Как-нибудь так подшутить над кем-нибудь, а потом вернуться. И, когда сестра зайдёт, лежать с таким невинным видом, моргая: мол, чё это вы на меня так смотрите, а? сами же видите, что я уж то-очно не мог этого сделать! А ещё!.. А ещё была бы это такая антигравитационная кровать! классно было б полетать. Хоть мир сверху посмотреть. Не скучно было бы лежать! Лежишь так – и путешествуешь... Ну, а если бы... была б здесь гитара, я бы хоть играть учился – и время бы вообще с пользой прошло.

– И с какой бы песни начал?

– Ну-у, уж со "Звезды по имени Солнце", конечно. Мы же все с неё родом.

– Как это?

– Да так: все гитаристы со Звезды по имени Солнце свалились, – объяснил Ромка и, подумав, добавил. – А чтоб с неё свалиться, надо сначала до неё добраться.

Кирилл показал ему большой палец.

Самое поразительное, что Ромка едва ли задумывался про себя: "Я сильный! Я мужественный!" Жизнь задала ему взрослый экзамен, но замаскировала под уличное происшествие. А "Происшествие" – от слова "прошло". То, что *было*, то прошло – потому... зачем его бояться! То, что будет... а будет выписка – поэтому будущее-то, как ни крути, в любом случае хорошее. Главное только, его дожидаться – и не помереть со скуки. А от скуки помогает веселье. Тот врождённый иммунитет от уныния, что живёт в каждом сорванце, оказался сильнее искусственного "крутого" псевдомужества, происходящего у многих взрослых от гордости.

Да, Ромка остался самим собой – и это было самое главное! Первая по-настоящему хорошая новость для Кирилла за все дни после аварии. Перед ним был братишка. Перед ним был... Человек.

Кирилл, конечно, догадывался, что весёлость Ромки отчасти-то связана с его приходом – когда тот совсем один, ему, наверное, скучно до одурения вот так вот всё лежать и лежать. Ни повернуться тебе набок, ни тем более, на живот, ни

шепельнуть ногой – лежи неделями, пускай себе корни. Кровать-то – не антигравитационная! (Правда, братишка уверял: "Не-е, мне тут с планшетом некогда скучать!"). И всё же! Какую надо иметь внутреннюю силу, какую энергию жизни, чтоб *так* воспринять всё происшедшее. Хоть бы одна жалоба!.. Не, от Ромки не дождётесь.

С ним было так легко, будто и больница – не больница. Будто это они в гостинице в другом городе (и правда, в другом городе!) – путешествие как бы продолжается, просто это такой сильно затянувшийся привал. В окно выгляни – и, может быть, увидишь Лавру в сотне метров.

– А я ни разу не видел, что там, за окном, – уловил его взгляд Ромка. – Только слышал.

– А что слышал?

– Ну, всякие там голубьи по утрам чирикают.

– Чего?

– Тьфу, то есть воробьи. Думал про голубей, а сказал про воробьёв. Ну, я же и сам – Воробьёв, ты же знаешь! Меня учительница, когда к доске вызывает, всегда говорит: "Ну, Воробьёв, прочирикай нам что-нибудь!"

Опять вошла сестра:

– Получите из кухни ужин. Сами принесёте и отнесёте – у нас так все делают.

И вышла.

– А где кухня? – спросил Кирилл. – В какую сторону идти?

– Вот это понятия не имею – ни разу не видел, как *там*...

Ах, да. Для него коридор был уже другим, неизвестным миром. Точь-в-точь как люди про *тот* свет многозначительно говорят: кто же знает, что там! Там... Правда, Ромка атеистом не был и в существовании коридора не сомневался.

Внесли его сюда, конечно же, через коридор – только тогда он "кажется, спал" и о коридоре так же ничего не помнил, как ничего не помнит человек о своём рождении. Вошли коридором и коридором выйдем. Не вечно же лежать в палате и лечиться!

– Я только знаю, – сказал Ромка, – это мне говорили, что вон за той стеной – палата Даши, а там за стеной – Настя. А та-ам, за Настей и ещё одной палатой – там Данил.

– Ой да, кстати! я же хотел их тоже навестить!

– Ну, так сходи. Оно... конечно, без навигатора сложно – но авось найдёшь. Вдруг!

– Да, Ром. Я быстро! Я к тебе где-то, наверное, через полчаса вернусь.

Он принёс Ромке ужин, а сам отправился в путь.

8. Отроки Эфесские

Существует присловие: "На Страшном суде никто тебя не спросит, был ли ты святым Петром, тебя спросят - был ли ты Петей".

митр. Антоний Сурожский

Кирилл навестил трёх девочек, но больше всех запомнилась ему Настя – лучшая подруга той самой Тани, которая погибла. Они сидели в автобусе вместе, но перед аварией – всего минут за двадцать! – поменялись местами. Тане захотелось поближе к окну и... как говорил один очевидец, "её собирали, в гроб по частям складывали". Настя же отделалась переломом ноги, ключицы, двух рёбер – причём, всё время от первой секунды до операционного наркоза была *в полном сознании*. А глаза ей никто не закрывал, в отличие от той везучей девочки, которую угасающим сознанием слышал Кирилл. На всю жизнь он запомнил галлюциногенный диалог в темноте:

"А где Таня? Тань, ты где!?"

"Таня пока не может ответить".

Таня *пока* не могла ответить, потому что у Тани было полголовы.

"Слушайте! не знаю уж, как вас по имени... но вы были правы, тот "странный дядечка" на велике. Вот так вот и открываются порталы. Система земных дорог, оказывается, куда более разветвлена, чем мы думали: в некоторых случаях она сшивает миры. Оказывается, иногда поменяться местами – значит, поменяться судьбой. Кому-то выписан билет на жизнь, кому-то... тоже на жизнь, но в другом мире. Кто бы мог подумать, что "ближе к окну" означает – ближе к окну на

тот свет. Перед кем-то вдруг открывается одна дорога, перед кем-то – другая. Самое странное, когда, делая выбор, ты не знаешь его цену. (Только в каком-то духовном смысле, при самой глубокой вере, можно искренне сказать, что... не проиграл никто).

И Кирилл снова в изумлении замер перед вечной головоломкой человеческих жизней в руках Бога. (Даже подумал, что само слово "головоломка" очень уж натуралистически-жестoko подходит к ситуации).

Наверное, не самое худшее – из дома под названием Детство уйти в дом под названием Небо. Главное, и там, и там ты дома, а дома всегда хорошо. Вот только *остающимся* это трудно объяснить – оставаться тяжело! Такие уж мы люди: *здесь* нам ничего не объяснишь, а там и объяснять ничего не надо будет.

Настя сказала вдумчиво и серьёзно:

– Я ведь вот знаю, что она жива *там!*.. а почему-то всё равно плачу. Почему?

– Христос воскресил Лазаря... а всё равно почему-то перед этим плакал, – погладила её по голове мать, утешая.

Срабатывают всегда почему-то самые странные "утешения" и самые странные "объяснения"! А всё прямое, не странное – не работает. Настя задумалась.

И Кирилл задумался:

"Самый большой абсурд: смерть побеждена... – а все, встречаясь с ней, плачут. Все... – начиная с Самого Богоче-

ловека, Который её победил... У Бога всё – абсурд... но почему-то только от этого абсурда мы и остаёмся Людьюми, а не машинами".

– Ну, и как мне теперь *жить!*? – сказала Настя (видимо уже далеко не первый раз!) – Это же я должна была погибнуть – а получается, она погибла вместо меня, а я осталась.

– Значит, ты и осталась *за двоих*, – спокойно и уверенно сказал вдруг Кирилл. – Как Ксения Петербургская жила и за себя, и за мужа. Вот ты – здесь, и теперь *вся ваша дружба* – на тебе! Представляешь, какая у тебя полная должна быть жизнь! За двоих-то. И любовь, и дружба – они никогда никуда не деваются, ты это ещё увидишь... просто если ты по-настоящему Таню любишь, ты можешь как бы подарить-посвятить ей свою жизнь: ну, реализовать что-то такое хорошее... такое!.. чтоб Бог *за вас двоих* радовался, и Таня бы *там* радовалась.

Кирилл и сам не понимал своей уверенности, своего нового настроения: только что ведь "судился" с Богом – а Бог вдруг с Себя перевёл тему разговора на эту девочку.

– Здорово вы сказали! Наверное, теперь только так и получится... Я же тоже об этом уже думала, – совершенно взрослому призналась Настя. И тут же вдруг улыбнулась:

– О! вот Ромка мне смску прислал: "Ты ещё не нарисовала всех нас кошками в гипсе?)" Щас отвечу: "Ещё нет. Рука сломана, а левой я рисовать не умею".

Станным было бы в обычном мире целыми днями об-

щаться смсками с ровесниками, которые в соседних комнатах, через стену от тебя. Но больница – мир особый, и в нём ничему не приходится удивляться. Так и шныряли себе буквенные червячки из палаты в палату, помогали ребятам общаться и быть в курсе всего. Уж в этом случае никак не придерёшься, что дети "зависают" на телефонах! Когда ты скован ортопедическими кандалами, смски шустро бегают вместо тебя.

– А почему ты должна была нарисовать всех нас в виде кошек? – не понял Кирилл.

– Кошек же проще рисовать, чем людей, – пояснила Настя. – Поэтому людей я рисую... в виде кошек.

– Как это?

– Ну, например, я однажды весь наш класс нарисовала в виде кошек и котов. Или всякие сюжеты по истории... у меня там тоже всё кошки! Как-то нам рассказали про хождение в Каноссу – и я изобразила котами папу Римского Григория VII и императора Генриха IV. Все очень смеялись, даже учитель. Только Жанну д'Арк я не стала изображать кошкой... потому что это, наверное, было бы... ну, неправильно! Это точно так же, как Таню я теперь уже никогда не нарисую кошкой.

Прощаясь, Кирилл пожелал:

– Скорей бы уж у тебя всё срослось.

– Спаси-бо! Всё срастётся... как на кошке! – засмеялась

Настя.

Вот и сленговое выражение "Всё срастётся!" (которое Кирилл много раз в жизни, не задумываясь, употреблял), приобрело вдруг прямое значение.

У кого *есть* чему срастаться – срастётся. Правда, к Данилу и его маме это не относится...

"Насколько связаны судьбы родителей и детей! – в который раз поразился Кирилл. – Вот у Ромки открытый перелом ноги, и у Марины – открытый перелом ноги. Данилу ногу вообще оторвало... и маме его ногу – оторвало! Просто зеркально получилось. Такое ощущение, верь не верь, что у этой аварии есть разумный автор, который всё как-то странно учёл!"

Да, больше всего он боялся за встречу с Данилом: "ЧТО я ему скажу!? Чем вообще можно утешить человека, потерявшего ногу! Как?" Утешать не пришлось.

В палате у Данила... Кирилл за несколько секунд сделал ещё одно ошеломляющее открытие (да что за день такой!): самый сильный свет на Земле – тот, которого не видно. Данил *сиял*. Совершенно натурально. Как это изобразить?.. ну, а как вообще изобразишь то, чего глаза не видят!

Они видят одно: ноги нет – улыбка есть. Абсурд Царя Небесного. Вопиющее логическое хулиганство! Тебе вдруг показывают то, чего быть *не может*... но ты же глазам-то своим ещё привык верить: Бог тебя на этом нахально, бессовестно ловит – "Ловец человеков"! И ладно бы был *просто* Бог где-то там далеко. Но зачем же Он вбрасывает в нашу

жизнь *святых*? Чем нам от них заслонить свои глаза? Они... они у нас как-то начинают слезиться от слишком сильного света. Нечестно!

– О-о, привет! – Данил обрадовался Кириллу как родному.

– Привет. Я это... брат Ромы... ты, наверно, меня помнишь?

– Конечно помню! Ромке от меня вообще респект!

"Наверное, он смотрит на меня, как на брата Ромки – именно в таком качестве меня и воспринимает. Ромка клёвый – значит, брат Ромки клёвый. И вообще, все люди! Солнце греет всех".

– Знаешь, я в автобусе вообще-е удивился: вот Ромка мужественный! – сказал Данил.

– А что он?

– Ну, я же спал в автобусе, какие-то кошмары снились... это я щас думаю, что, наверное, не спал, а без сознания был. И вдруг просыпаюсь – всё разбитое, а Ромка так на меня светит своим телефоном и говорит: "О, наконец-то Данил проснулся. При-вет!" – знаешь, прям как будто в летнем лагере ночью, ещё таким прикольным тоном. Я ему тоже: "Ну, привет! Чего скажешь?"

Данил засмеялся.

– А дальше что было? – Кирилл ловил каждое слово.

– О чём-то даже там поболтали, пока спасатели не пришли: уже не помню, о чём: я потом отключился... Но я ещё

так подумал: вот Ромка челове-ек – даже совсе-ем не испугался. Прямо вообще так держался – ну, как обычно! как будто бы совсем ничо не произошло! ещё всех подбадривал, шутил... я ему тоже, помню, что-то типа шуткой там ответил.

"Да, Ромка мужественный – а о себе ни слова!" – подумал про него Кирилл.

Такой вот диалог двух израненных мальчишек а "уютном" ночном автобусе, среди луж крови, у одного ногу вообще оторвало, у другого обе перебиты: "Привет" – "Ну, привет". Может, на этих-то приветях и мир стоит.

Неприятное, конечно, приключение вышло, не того ожидали... ну, чего уж Бог послал. Чего-то там сломано или чего-то не хватает, завтра будем считать... или врачи за нас посчитают. Утро вечера мудренее. А пока что: "Привет". Как бы и всем людям, всему свету – привет!

– Наверное, просто Ромка ещё обрадовался, что ты жив! – постарался зачем-то объяснить Кирилл реакцию брата. И в ту же секунду подумал: зачем!?

Да, мальчишки – они и в промежутках между потерями сознания вели себя, как мальчишки. В том-то всё дело, что оба вели себя как дети – это было чисто *детское* мужество. Эти мудрые, заслуживающие уважение личности были во все не "старше своих лет", а в самую меру. Возраст, если так можно сказать, "обеспечил" им благодать, а благодать – силу для терпения. Самое чудное, что мужество это облекалось в такую несерьёзную форму, что его невозможно скопировать

– так можно только *жить*.

– А мне всего месяц назад скутер купили, представляешь! Жаль, теперь уж не скоро получится поездить... наверное, только на следующий год, когда протез нормальный поставят.

В детском сознании нет непоправимого! Не бывает "навсегда", бывает "до следующего года".

Да, самое большое восхищение, какое только можно испытать в этом мире (кроме прямой встречи с Богом) – это восхищение Человеком. Удивляешься чьей-то красоте души. Удивляешься настолько, что от этого меняется всё твоё представление о мире. Если люди *такие*, то каков же Бог, который их сотворил!

По одному апокрифу, тот самый ребёнок, которого Христос привёл в пример апостолам, когда вырос, стал великим святым Игнатием Богоносцем. Стало быть, если уж вырасташь из детства, надо, хочешь не хочешь, становиться Богоносцем. В противном случае, и вырастать-то не надо было.

Всё наше восприятие детских страданий вдруг меняется при виде их неожиданной силы. Вот кто и когда научил Ромку или Данила *так* держаться? Не придумали ещё такой школы, в которой учат иронизировать и не унывать, когда у тебя что-то раздроблено или оторвано (практическое задание на лето: сломать себе что-нибудь!). Кто даёт им силу? Получается, тот же Бог, которого мы обвиняем?

Но у них-то о Нём совсем другое мнение.

Ещё не видно, кем человек будет, но уже видно, кто он *есть*. Нет профессии – но уже есть личность. Нет жизненного опыта (точнее, не было до этого случая) – но есть неосознанное мужество: похоже, на все случаи жизни, авансом. Конечно, никто не знает, что будет *потом* (всякое "потом" – в руках Божьих), но здесь и сейчас...

Оказывается, когда реально встречаешься с ребёнком, терпящим... ну, скажем так, испытания, вся предрассудочная дребедень, вся литературщина и сентиментальщина на избитую тему "детских страданий" куда-то отлетает. Оказывается, всё гораздо проще и ясней, чем мы себе представляли. А представлять и не надо: такие вещи просто есть и всё. Их не стоит воображать (всё равно адекватно не получится!) – их можно и нужно только увидеть. Трусость здесь неуместна. И теоретическая *жалость авансом* тоже неуместна.

Замечательно общаться можно и при поломанных ногах, и при побитой голове... только не при глупой голове.

Вот так! Едешь чуть ли не "официально" о чём-то просить Бога через великих святых – а Бог вместо святых вдруг подсовывает тебе в посредники мальчишек... причём, тех, которых ты знал давным-давно!

И снова у Ромки.

– Я заметил!.. – говорил братишка, шурша конфетами в тумбочке, – Когда думают, что тебе больно, несут много всего вкусенького. Это, наверное, чтоб с одной стороны – боль-

но, а с другой стороны – вкусно. Какая-то компенсация получается... Но мне-то даже и не больно.

– Да не может быть. Я всего лишь ушиб голову – и она у меня болела. А ты не ушиб, а *сломал* ноги – и они у тебя не болели? Непорядок какой-то!

– Так то голова-а, а то всего лишь ноги какие-то! – возразил Ромка. – Ноги же – не голова: когда сломаны – думать можно.

– Нет, наоборот!! голова – не ноги! – весело возразил Кирилл. – Когда она болит, ходить можно.

– Ну вот, ты ходишь, а я думаю, – подвёл итог Ромка. – Вдвоём мы – человек!

– Да, у кого что болит. Ты много бегал – у тебя пострадали ноги. Я много думал – у меня пострадала голова...

– Вывод!.. – азартно прервал его Ромка. – Вывод: не надо ни бегать, ни думать – и будешь совсем здоровенький! Я где-то читал: в специальной капсуле человек может прожить 400 или даже 500 лет и никогда ничем не болеть. Да... Но я бы так не хотел! Лучше болеть, но быть человеком.

"Да ты и так человек!" – подумал Кирилл. Однако продолжил спор:

– Но это всё-таки невозможно, чтоб совсем не болело.

– Вполне возможно, что это невозможно! – с хитрым видом согласился Ромка. – Говорят, по законам аэродинамики, майский жук не может летать – но, к счастью, он об этом не знает и летает.

– Ну ты и ж-жук! – только и осталось ответить Кириллу.

Он вспомнил, как буквально месяц назад, заинтересовавшись, читал что-то о "боксёрском" восстании 1900 года – "китайском бунте, бессмысленном и беспощадном": пожалуй, вообще самом бессмысленном и самом беспощадном, какой только можно себе представить. Подробности того, что там делали с китайскими христианами, даже он, "чувак XXI века", привычный к интернет-ужасам, частенько пропускал. Но не пропустил эпизод, когда изувечили 8-летнего Иоанна Цзи, сына священника – и он, сидя с такими ранами, которые и перечислять-то тошно, улыбаясь говорил, что ему не больно: "За Христа – вообще не больно!"

("Ну, ещё б добавил, как в моём детстве: вовсе и не больно – курица довольна!") Кирилл тогда ещё не знал, как относиться к такому чуду. Оно часто встречается в житиях древних мучеников: "*Не больно!*" Однако то, что было всего век назад, чисто психологически почему-то воспринимается достовернее, чем, скажем, семнадцать веков. А тут... тут-то уж совсем "достоверно": не китайский мальчик и не век назад, а братишка – здесь и сейчас. И тоже: "Не больно" ему, видите ли.

Кирилл задумался. Да, конечно, от шока человек первое время не чувствует боли – это уж давно известно. Но именно – первое время! Хорошо, допустим, Ромка ничего не чувствовал в автобусе. А *потом*? Потом его видели только врачи – не мама, не друзья... Ну, ещё видел Бог. И если верить,

что Он может всё (если захочет), тогда Ромка, возможно, действительно не чувствовал боли? Но это только если допустить чудеса.

И почему нам всё-таки хочется верить – хотя бы задним числом, – что им было не больно?

Вообще-то, наверное, есть простая математическая формула. *Если сила благодати больше силы боли, тогда боль стремится к нулю.* Только вот есть ли на свете эта самая благодать? Глядя на Ромку или Данила, невольно начинаешь думать, что есть...

А ведь так-то всё верно выходит! Терпение, как ни крути, сколько ни спорь, даётся благодатью. Во взрослых её мало – потому им тяжелее. Значит, Бог, на самом деле, бережёт детей куда больше, чем мы их "бережём". Со стороны это не кажется заботой – но только со стороны.

Когда они болеют, Дух Божий особенно явно действует в них... хотя по-человечески-то, конечно, хочется, чтоб они никогда не болели!

Есть Смерть – и есть Боль, почти такая же страшная, как смерть. Ромка каким-то чудом прошёл по узкой тропочке, по самому краешку обоюдной пропасти. Между Сциллой и Харибдой. По краю того, чего человек боится больше всего. Он жив и – если ему верить, ему "не больно". Вот два самых весомых повода для абсолютного, всеобъемлющего, победоносного счастья. Счастья детей и бессмертных.

На его примере оказалось вдруг возможным понять жи-

тия мучеников. Победа над Болью – то, во что человечеству трудней всего поверить... даже, пожалуй, трудней, чем в победу над смертью. Потому что боли боятся сильнее, чем смерти! То, что раньше казалось Кириллу приторной фантазией позднейших пересказчиков житий, оказалось теперь не таким уж неправдоподобным! В тексты-то можно верить или не верить, а вот весёлая мордашка раненого 11-летнего братишки, которую ты сейчас видишь – это уже не предмет Веры или неверия.

В чём же тогда подвиг мучеников? В том, что во всём *доверились* Богу. Бог – не садист. Поэтому Подвиг измеряется не "децибелами" перенесённой боли – а степенью упования на Него. С болью-то у всех всё было по-разному, но уж если кого-то, по вере, Он избавлял от неё полностью, то разве это умаляет величие простого факта, выразимого одной фразой: *они верили и потому не боялись*.

– А может, это уколы такие сильные? – рассуждал между тем Ромка. – Прикольный смысл обезболивающего укола: делать больно, чтобы не было больно!

Дети *почти* проникли в самую тайну страданий – не хуже Иова, – но у них нет ни философского образа мысли, ни словарного запаса, чтобы своё знание выразить. Мы можем только смотреть на них и поражаться той совершенно очевидной истине, что *Бог с ними*.

Их предельная беспомощность как-то зримо сочетается с предельной защищённостью. Их?.. – но ведь тогда, стало

быть, и наша? Мы – это они... но только выросшие.

Бог нас иногда так крепко тюкает, что от нашей "взрослости" мало что остаётся. Сильная болезнь делает человека либо стариком, либо ребёнком. Старик, который в нас, вечно ворчит, причитает и всех винит. Ромку же, который в нас, видите ли, жизнь "учит быть весёлым". Довольно суровыми методами учит, я бы сказал! Но зато, уж кто научился... спасибо ей потом скажет. Обычно мы не задумываемся над мудростью самых простых – кажется, даже банальных словосочетаний. "Попасть в переделку" – это значит, попасть в ситуацию, которая тебя переделает. Жизнь – самое главное творчество, и для него некоторым из нас даются путёвки в своё Переделкино. "Неприятность", "несчастье" – слова совершенно непродуктивные. "Переделка" куда точнее передаёт то, что происходит в душе.

– Вот тут все говорят, что ты мужественный, – как-то неопределённо сказал вдруг Кирилл, глядя на Ромку. – Верить, что ли?

– Не-не-не! Всё, что про мужество – это не про меня! – решительно отмахнулся Ромка.

– А про кого же?

– Ну... про *кого-то*. Про Данила, например!

– Да, тут уж я согласен! Данил, конечно – очень мужественный.

– Во-во. Значит, про него! Пусть ему икается. А я такой слабенький, такой маленький! уа-уа!

"Чувство такое, будто вы увидели морского змея, не верящего в чудищ, или истинного рыцаря, никогда не слыхавшего о рыцарстве"(1).

Да, полезно встретиться с человеком, который видит мир по-другому, чем ты. Особенно, если этому человеку 11 лет.

"Да это я не то что Ромку навестил. Это ж я в его царство приехал!" Жизнь другого человека – суверенная страна. Чем больше мы про эту жизнь узнаём, тем больше своего суверенитета нам человек добровольно делегирует. И чувство чего-то огромного, бесконечного, во что его пригласили, выдали бессрочную визу по вызову брата, обновило Кирилла.

Закатное небо, полосатое, как вафля, от продольных облаков, вдруг глянуло в окно. Однообразно-белые больничные стены на полчаса стали розовыми. Кирилл смотрел с изумлением – только в эту самую секунду он вдруг открыл для себя, что мир, оказывается, не изменился. Совсем! Изменилось лишь его личное восприятие – но сам-то мир не стал хуже! Один из первых симптомов выздоровления души после долгой депрессии: в какой-то момент неожиданно *узнаёшь* мир. Выглядываешь – а он *там*, оказывается, такой же, каким был в детстве. От заката мир досрочно стал пламенно-осенним. И казалось, глядя на него, можно, как в портале, проскочить все дни, оставшиеся до великого праздника Выписки.

Есть какая-то удивительная тайна *не-одинокства*, когда

преображается весь мир.

Стоял тот закатный час, когда все даже самые грязные, самые пыльные (а ещё лучше, подбитые!) стёкла на свете становятся дивными розовыми витражами. Даже хорошо, что на них не изображено ничего... кроме самого Света. Райская картина, в которой нет совсем ничего, кроме Света – противоположность "Чёрному квадрату" Малевича.

Вечере-вечная капелла, вся исполненная светом витражей. "Да что же это я! Это ж больница... здесь принято "уважать и почитать боль", чтоб и настроение было соответствующее. А Ромке наплевать – у него другое настроение. И поэтому здесь – капелла".

Вдруг где-то за стеной, будто совсем рядом, раздались гулкие и мелодичные удары колокола. Было как раз примерно то время, когда начинается вечерняя служба.

– А у вас тут что, не только церковь, но и колокольня своя есть? – удивился Кирилл.

Ромка рассмеялся.

– Да-а, это уж вообще така-ая колоко-ольня!.. можешь даже в коридор выйти и познакомиться со звонарём.

Кирилл любопытства ради выглянул. Какой-то хулиганистый "инвалид" лет десяти стоял у пожарного щитка и мелодично ударял костылём по огнетушителю. Явно у него был неплохой музыкальный слух. Увидев Кирилла, он тут же ускакал-уковылял за угол, хихикая на лету.

– Видел? – задорно спросил Ромка. – Вот так! Не верь

ушам своим! Когда человеку делать нечего, у него даже огнетушитель превращается в колокол! Это наша местная знаменитость. Я его даже видел – "в Контакте". Переписываюсь с ним.

Особенные закаты провожают особенные дни в нашей жизни. Как отдельные ударные предложения завершает восклицательный знак.

Бог обычно дарит нам тюльпан заката в день нашей личной победы. И мы не забываем потом этот закат всю жизнь! Такая уж у Него традиция.

Давно стемнело, но Ромка был не из тех, от кого хочется уходить. Так бы и остался с ним: в детской больнице вместо взрослой, раз уж "впал в детство".

– Мне уж, наверное, пора, – неуверенно и совсем неохотно напомнил Кирилл, словно ждал (и правильно ждал!), что его сейчас будут отговаривать.

– Не спеши-и... – сделал большие страшные глаза Ромка и таинственно зашевелил пальцами. – А то на обратном пути ждёт тебя здесь кошма-арный лабиринт, где повстречают тебя при-израки, все в белом... да-а!

– Пророк ты, что ли? – удивился брат.

Лабиринт уже был во сне Кирилла – но сейчас ничего не знающий Ромка своими "кошма-арными" словами взял да и девальвировал его... как рубль.

И всё разом стало сказочным. Будто и палата – не палата,

и растяжка – не растяжка, а просто это Емеля путешествует себе на печи в края неведомые, небывалые – и ждёт его там царевна и полцарства... а может, и не ждёт! А может разом добудет он *всё царство*, а не какую-то там половину: всё настоящее на половинки-то не делится! Ну, в общем, он уж там сам разберётся...

И вспомнилась пророческая песенка из "Там, на неведомых дорожках":

Будешь ты богатым, как Буратино,

И очень умным, как Иван-Дурак.

А уж там пошли сами собой вспоминаться разные детские песни, и Кирилл даже вполголоса пропел – то ли для братишки, то ли для себя:

Но, конечно, но, конечно,

Если ты такой ленивый

Если ты такой пугливый -

Сиди дома, не гуляй.

Ни к чему тебе дороги,

Косогоры-горы-норы,

Буераки-реки-раки...

Руки-ноги береги!

– Да, "руки-ноги береги" – хороший совет... – заметил Ромка. – Но очень запоздалый! Значит, этот закон не для нас.

А Кирилл вдруг вспомнил (только, из какой книги – забыл!): "Лишь *послы* великого Царя не обязаны соблюдать все

законы страны".

– Какой-то ты сегодня ... совсем светлый, – решил он расщедриться на комплимент, прощаясь. – Как будто внутри у тебя что-то светит!

– Не-не-не, я лампочку не глотал! – сразу замахал руками Ромка. – Лампочку это ты у нас глотал – в том году, когда желудок исследовал.

Иногда беспричинное счастье так же стремительно врывается в жизнь, как и беда. Не успеваешь моргнуть, а паника-дило в душе уже зажглось – там вдруг началась праздничная служба. Не по расписанию. Впрочем, если б оно и было, кто же это расписание *внутри-то себя* может прочесть. Там, *в себе*, у нас глаз нету. Только слышишь – поют, слышишь – звонят, значит – опять Пасха. Целое Царство Божие внутри нас!

Шёл седьмой день после катастрофы: "день седьмой, недельный" и день Семи Отроков Эфесских. День особого свидетельства о всеобщем воскресении из мёртвых (1).

(1). Клайв Льюис

(2). Семь отроков Эфесских – пример странной заботы Бога о детях. Мученики – но какие!? Их замуровали в пещере, чтоб они медленно умирали, а они... взяли и уснули. Особым, конечно, сном – Божьим. На полтора века. А потом проснулись-воскресли.

9. Жало жалости

Такого Бога, как Христос,
мог бы "выдумать" только сам Бог.
митр. Антоний Сурожский

Росток, согретый солнцем, всегда
найдёт дорогу через каменистую
почву. Чистый логик, если
никакое солнце не тянет его к себе,
всегда увязнет в путанице проблем.
Сент-Экзюпери

Одна женщина – соседка Марины по палате, – везла с собой Смоленскую икону Божьей Матери в красивейшей серебристо-белой ризе. Сначала большая икона стояла над её кроватью, но во второй приход Кирилла её уже не оказалось. И женщина, смешавшись, вдруг почему-то сама, без вопросов, пояснила:

– Да мне всё представлялось ночами: Она в белом саване стоит и смотрит... Пришлось мне её другой женщине пока отдать. Что-то не могу!..

Каким же испытаниям подверглись люди, если им было страшно теперь даже от Самой Божьей Матери – Заступницы от всякого страха!

У больного ночи становятся мучительными рубежами, каждого из которых ждёшь, как маленькой смерти. Каким бы светлым ни был почти выздоравливающий день, но *она* опять приближается. И не остановишь!

Прямо хоть вовсе убирай все ночи из миропорядка!

Тяжёлая травма или тяжёлый сон тиражируются, как на печатном станке, и этот-то тираж и есть – чётко расставленные по-внутреннему календарю ночи. Душен *страх перед страхом*: не перед чем-то конкретным, а перед Страхом как таковым. Боишься, что испугаешься. Тоскуешь – из-за возможности тоски. "Ой, доска кончается, сейчас я упаду!" *День кончается*: вот она "память смертная"! Каждое утро – это Воскресение, но ведь между смертью и Воскресением – ад.

Олег Митяев поёт: "Лето – это маленькая жизнь". Да нет: "День – это маленькая жизнь!" И каждый вечер её долго, медленно, мучительно – иногда по несколько часов, – убивают. Понимаешь тогда на практике необходимость *утренних* и *вечерних* молитв. Потому что как же это – умирать без молитвы? Не годится.

А вдруг, не приведи Господь, опять увидишь *там* очередного "господа"!

Боже мой, до чего ж мы все *боимся страха*: тавтология

выражает суть всей нашей психологии. К тем, у кого нет "страха Господня" в смысле положительном, он рано или поздно приходит в смысле отрицательном. Любой "бунт против Бога" рано или поздно либо приводит кружным путём к Богу же, либо – к *тому*, кто в доисторические времена начал это бунт. Подобное тянется к подобному. Страх и ненависть – к источнику страха и ненависти.

Страх – начало всякой нездоровой мистики, всего немирного в нашей душе. Основа всякого рабства, духовного – в первую очередь. Ад – единственный эпицентр страха и рабства. Всё обывательское представление о религии и атеизме можно сформулировать всего-то в нескольких фразах: "Не веришь в Бога – боишься смерти. Веришь в Бога – боишься ада. И так, и так – страх, поэтому лучше вообще *ни о чём* не думать... пока самого не коснётся".

Легко перепутать то, чего мы все боимся и ненавидим – с самим Богом. Есть разница между фразами "Страх Божий" и "Страх – Бог". Разница-то есть, но!..

Для осознания этой разницы Бог должен явиться нам "в тихом дуновении ветра". В Человеке: лучше всего, если – в ребёнке. Раз уж лукавый пожелал вырядиться во всемогущего Бога, то *Бог, который в ребёнке*, лучше всех разоблачит его.

Да, пусть узенький дневной просвет – пасть меж челюстями двух ночей. Но каждый день Кирилл ловко убегал от этой пасти к Ромке. И два брата с двойной разницей в возрасте

весело поддерживали друг друга.

– Кирилл, да ты не бойся – всё будет хорошо! – сказал однажды Ромка. – Если тебя съели, всегда есть два выхода: через попу или обратно.

Чувство одиночества как-то незаметно взяло да и оставило Кирилла, а с ним – и страх.

Иногда бьёшься-бьёшься, как муха в стекло, а потом успокоишься... и раз – какой-то ветерок тебе показывает: да вон же, форточка-то открытая – зря столько бился в пяти сантиметрах от выхода! Всякий человек, вдруг открывший для себя что-то подлинное, задним числом поражается наивности своих прежних построений, которые только что казались ему просто безупречными и неотразимыми! Значит, главное в озарении – не столько найти для себя что-то логично-убедительное, сколько безжалостно убрать чердачный хлам, загромождавший окно. Свет хлынет сам, если его ничем не заслонять.

"Такое ощущение, как будто меня прежнего кто-то писал в черновике. А после катастрофы, кажется, наконец-то родился Кирилл настоящий... наверное.

Как всякий обвинитель Бога, я был слишком слабым. Обвинение Богу – всегда показатель слабости характера! А сейчас стыдно перед младшим быть слабым. Ромка оказался взрослее меня. Если б он только знал, что в моей голове, он бы меня жалел, а не я его".

Если "сила моя в немощи совершается", как говорил апо-

стол Павел, то Детство, помноженное на Аварию – это уж самая максимальная немощь, какую только можно себе представить. До чего же *сильными* (не своей силой!) оказались Ромка, Данил, Настя?

– Наверное, они счастливы просто оттого, что остались живы! – глубокомысленно-банально изрёк один собеседник Кирилла, когда тот не удержался и поделился своим открытием.

– Да ведь мы все на свете живы... но не все счастливы! – пожал плечами Кирилл в ответ.

Ну да, действительно, весь мир – мир *живых*. Все кто *есть* - живы! "Пусть мёртвые хоронят своих мертвецов". Но если мы не чувствуем счастья, в отличие от детей, то... уж не мёртвые ли мы? да вот те самые, что хоронят сами себя? Оказывается, есть мёртвая "жизнь" – ещё как есть? А есть и животворящая смерть. Та самая, что "смертию смерть поправ".

Вот Христос и смотрит на меня глазами Ромки: Христос посреди нас и *в нас*.

И не надо "псалмов" – надо слушать, что Он говорит событиями, делами, людьми. Самое главное – людьми!

"Я предъявил Ему "иск" – и сразу получил ответ. Бог ответил мне через Ромку, через Данила – потому что Его голос мне бы всё равно нечем было услышать. Неправда, что Он недостижим и неумолим: мы слышим Его *всегда, когда любим*. Просто – каждую минуту и секунду. "Кто видел брата своего, тот видел Бога своего".

Теперь, когда Кирилл навещал Ромку каждый день, ситуация в корне поменялась. Когда Бог нашёл для тебя дело, ругать Его некогда да и просто несподручно. Оказывается, наше счастье называется "дело". Есть Бог, есть братишка и есть что делать... – что ещё нужно для полноценной жизни! "Давно я не был так счастлив!" – вдруг поймал себя на абсурдной мысли Кирилл, возвращаясь однажды вечером от Ромки. – Просто... да я и не припомню, в каком это году я ещё так радостно жил. Да я просто дурачок! Я же счастливей всех на свете!

Вот бы никогда раньше не подумал, что буду восхищаться этим маленьким балбесом. Так-то где-то, конечно, всегда его любил, но не знал, что буду ещё и уважать...

Потому что есть за что. И где-то мелькнуло в нём: "Если у меня когда-нибудь будет сын, пусть он будет – как мой брат".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.